

INSPIRIA

НОЧНОЙ ОХОТНИК

ИСТОРИЯ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ
РИЧАРДА РАМИРЕСА

ФИЛИП КАРЛО

INSPIRIA

Ток. True Crime Story. Главный
документальный триллер года

Филип Карло

**Ночной охотник. История
серийного убийцы
Ричарда Рамиреса**

«ЭКСМО»

1996

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Карло Ф.

Ночной охотник. История серийного убийцы Ричарда Рамиреса /
Ф. Карло — «Эксмо», 1996 — (Ток. True Crime Story. Главный документальный триллер года)

ISBN 978-5-04-159344-5

Полная биография одного из самых знаменитых американских серийных убийц – Ричарда Рамиреса по прозвищу «Ночной охотник»! Основано на личных встречах маньяка с автором. Жестокие убийства, тяжелое детство, приверженность сатанизму, увлекательное полицейское расследование. Феномен фанаток серийного убийцы, посвятивших себя маньяку, ставших его подругами и даже женами. В 2021 году по книге вышел документальный сериал от Netflix. С 1984 по 1985 год Лос-Анджелес содрогался от безжалостного серийного убийцы. Опытный взломщик, жестокий и опасный Ричард Рамирес бесшумно входил в дома жителей по ночам, грабил, насиловал и убивал всех, кто стоял у него на пути, – и делал это во имя Сатаны. Прозванный Ночным охотником, он наводил страх на каждого жителя города, и на долгие годы его имя стало синонимом сатанизма, пыток и садистских убийств. Детективы, искавшие убийцу, работали на пределе сил, под невероятным давлением прессы и общества, в мегаполисе, где маньяк мог совершить по несколько нападений за ночь. После поимки Рамиреса общество столкнулось с другим феноменом: толпы фанаток приходили к симпатичному и загадочному маньяку на суды, писали письма, простаивали долгие часы ожидания в тюрьме, чтобы пообщаться с ним вживую. Основанная на личных беседах с самим Рамиресом, детективами, семьей убийцы и его поклонницами, книга рассказывает сложную историю маньяка, образ которого все еще привлекает женщин как мотыльков к пламени. Это удивительное и мрачное погружение в темное нутро человеческой природы, вызывающей у одних обожание и сексуальное желание, а у других – ненависть и суеверный страх. Ричард Рамирес по прозвищу Ночной охотник (1960–2013) – серийный убийца, на счету которого

более тринадцати убийств в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, совершенных в 1984–1985 годах. Несмотря на вынесенный в 1989 году приговор, в 2009 году благодаря ДНК-анализу удалось доказать причастность Рамиреса к еще одному убийству и изнасилованию девятилетней девочки в Сан-Франциско. В документальном фильме Netflix «Night Stalker: The Hunt for a Serial Killer» также упоминается, что шестилетняя девочка опознала Рамиреса как своего насильника, однако было решено снять эти (и еще два подобных) обвинения, чтобы не травмировать несовершеннолетних судебным процессом. Детективы Фрэнк Салерно и Гил Каррильо, работавшие над делом Ночного охотника, убеждены в его причастности к серии похищений и изнасилований детей, которые происходили в округе в одно время с убийствами. До самой смерти Рамирес был самым «популярным» серийным убийцей, получая огромное количество писем и визитов. Бас-гитарист группы Marilyn Manson взял себе псевдоним Твигги Рамирес – в честь Ночного охотника. В сериале «Американская история ужасов» Ричард Рамирес появляется дважды: в пятом и девятом сезонах. «Мы все читали книги, в которых автор пытается погрузить вас в разум серийных убийц, но я не могу припомнить книгу с таким же уровнем физического и психологического единения между писателем и убийцей». – New York Press «Чрезвычайно хорошо рассказанная тру-крайм история». – Publishers Weekly «Филип Карло рисует волнующий портрет серийного убийцы Ричарда Рамиреса. Он убедительно рассказывает эту ужасную историю с разных точек зрения, включая самого убийцу и двух гениальных детективов, которые смогли раскрыть его дело». – People Magazine

Понравилась книга? Знаем, что стоит прочитать дальше! На последней странице или в PDF-приложении вы найдете секретный промокод на скидку 40% В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-159344-5

© Карло Ф., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Книга первая. Преследуемый и преследователи	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Филип Карло

Ночной охотник. История серийного убийцы Ричарда Рамиреса

Philip Carlo

The Night Stalker: The Disturbing Life and Chilling Crimes of Richard Ramirez

© 1996 by Philip Carlo

© Мордашев Е. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается всем погибшим от рук серийных убийц

Примечание издателя:

Некоторые имена изменены для защиты неприкосновенности частной жизни связанных с этой историей людей.

«Несчастные цепляются за тени и, предаваясь удовольствиям, в коих им отказывает истина, искусно погружаются во всевозможные иллюзии».

Маркиз де Сад, «Преступления любви, или Безумства страстей»

Книга первая. Преследуемый и преследователи

«Поклянись Сатаной, что не будешь кричать».
– *Ночной охотник*

Глава 1

В центре Лос-Анджелеса, у автовокзала компании «Грейхаунд», с наступлением темноты становится очень опасно. Пестрый легион воров, грабителей, барыг, чокнутых, торчков, алкоголиков и десятидолларовых шлюх кружит, слово стая голодных акул в поисках истекающих кровью. В этих трущобах люди часто спят на грязных, кишасщих паразитами улицах, прямо там, куда повалились накануне вечером. Будь у великого, грандиозного Города ангелов задница, ею по праву следовало бы считать район автовокзала «Грейхаунд».

Именно отсюда и явился он, безымянный и оживающий ночами, бесшумный и смертоносный, как цианистый газ. Всегда в черном, в черной бейсболке с низко надвинутым на лоб козырьком, даже носки и туфли у него были черные. В таком наряде он передвигался, скрываясь в тени, смешиваясь и сливаясь с ней, практически незаметный, пока не оказывалось слишком поздно. Полдевятого вечера 27 июня 1984 года он купил два грамма кокаина у Роберто, тощего колумбийца, продававшего порошок в небольшом сквере со скамейками и пальмами прямо перед автовокзалом. Сказав: «Два грамма», он пожал Роберто руку, после чего кокаин оказался у него в ладони. За день Роберто обменивался рукопожатием с десятками людей и умел передавать наркотик незаметно, точно фокусник.

Этим вечером человек в черном приехал на угнанной темно-синей «Тойоте». Его машина особого внимания не привлекла: большинство людей в районе подпольной империи унижения и преступности в центре Лос-Анджелеса занимались своими делами. В этих местах ничего не стоило затеряться. Повсюду были отели с номерами, сдаваемыми на одну ночь за восемь-двенадцать долларов без вопросов и удостоверений личности. Несколько дней подряд он блуждал по таким гостиницам, как «Хантингтон», «Сесил», «Росслин», «Форд» и «Фронтир», убивался кокаином, не ел и не спал, подчиняясь лишь зависимости и агонии своего психоза.

Однако сегодня на кокаин ушли последние деньги, и употребить ему придется под открытым небом. Он сел в машину, проехал несколько кварталов и припарковался. Зловещие, смрадные, воняющие мочой улицы и переулки он знал как свои пять пальцев. Места, где его не побеспокоят, он присмотрел заранее. Он вышел из машины и направился к заднему двору заброшенного здания неподалеку от Пико Хаус ¹, страждущий и спешащий ввести в организм наркотик.

Из аккуратно сложенного кусочка алюминиевой фольги он достал два из четырех блестящих кристаллов и положил их в обрезанную банку «Пепси», которую нес в маленьком бумажном пакете. Затем влил в банку столовую ложку бутилированной воды; кокс быстро растаял и растворился. Ловко орудуя длинными сильными пальцами, он вынул из пакета шприц и набрал в него воду с кокаином. Потом обвязал жилистый бицепс левой руки жгутом и подождал, пока набухнет вена в изгибе локтя.

Стояла безоблачная жаркая летняя ночь. Что-то видеть он мог только в свете уличного фонаря. Вспугнутые его присутствием, засуетились крысы. Когда вена выступила толстым пурпурным червем, он развязал жгут и медленно ввел наркотик по вене.словно мчащийся поезд, несущийся навстречу катастрофе, кокаин устремился к его мозгу и конечностям. Он положил

---

¹ Историческое здание в центре Лос-Анджелеса. (Здесь и далее – прим. ред.)

аксессуары и кристаллы обратно в сумку, спрятал ее и поспешил к машине – наркотик обострил его ощущения, расширил зрачки.

Покрываясь испариной, он принялся курсировать по центру города, разъезжая по грязным, душным улицам, думая о шлюхах, о сексе особого рода. Но для этого требовались деньги.

По роду занятий он был грабителем и стал в избранном ремесле профессионалом. Он умел проникнуть в любой дом, даже оснащенный системой сигнализации, хотя тревожных сирен и собак старался избегать. Он накручивал расширяющиеся круги вокруг автовокзала. Гоняя, он слушал хэви-метал – «Джудас Прист», AC/DC, «Блэк Саббат», Билли Айдола. Безумные ритмы и зачастую жестокие тексты его заводили. В музыке, с которой он сроднился и сделал своей, для него скрывались важные послания. Он считал, что песня Айдола «Глаза без лица» – об убийце в автобусе – очень точно отражает его мысли. Сбросив угнанную и разыскиваемую полицией машину и возвращаясь в центр города, он нередко воображал, как убивает едущих в автобусе людей.

Он вернулся в переулочек в третий раз, принял остаток кокаина и продолжил поездку. Он увидел нескольких уличных хулиганов, притормозил и помахал рукой, но ни один из них не вызвал у него желания остановиться.

Деньги! Чтобы получить желаемое, ему требовались деньги.

Ведя машину и наблюдая за людьми, идущими по тротуарам Мэйн, Бродвея и Спринг, и сидящими в машинах, пережидая красные сигналы светофоров, он думал о жестоком сексе и доминировании. Для совершения успешного убийства важно правильно выбрать время и место. Впоследствии он разоткровенничается: *«Хорошему убийце нужно все тщательно спланировать. Когда придет время нанести удар, надо быть готовым ко всему, нельзя позволить себе колебаться».*

Под воздействием кокаина время летит быстро, и вскоре силы начали его покидать. Приливы эйфории, с которой он гонял по улицам, спадали, сменяясь нервной тревогой, облегчить которую могла только еще одна доза кока.

Он выехал на шоссе № 10, миновал несколько съездов, свернул на Альгамбру и стал искать благоприятную возможность. Ничего не найдя, вернулся на автостраду и направился в Гласселл-Парк – небольшую общину численностью 42 тысячи человек, где живут низкооплачиваемые работяги. Он ехал наобум и без карты, темные его глаза вглядывались в ночную тьму, ища место, где можно выйти, взять желаемое и уехать.

Он припарковался на Чепмен-стрит, идущей параллельно пологим тихим холмам Мемориального парка Форест-Лаун. Несколько минут посидел в машине, сосредоточился, надел темные садовые перчатки и удостоверился, что его никто не видит. Убедившись, что за ним не следят, – а на подобное у него был нюх, – он вылез из машины и широким бесшумным шагом пошел, держась в тени, вдоль темно-зеленой кладбищенской ограды.

Чернильно-темное небо над ним мерцало сияющими звездами. Казалось, свет звезд и уличных фонарей своеобразной глазурью покрывал ухоженные надгробные плиты, расположенные аккуратно, как по линейке. По ночному небу мчались прозрачные, точно марля, шелковистые облака, на миг закрывая звезды. В голове у него звучал волчий вой. Он воображал, что идет сквозь густой туман.

Он остановился перед не слишком ухоженным розовым двухэтажным жилым домом, пятнадцати метров шириной и пятидесяти длиной. Постройка напоминала казарму, справа к заднему двору вела подъездная аллея. От нее шли квартиры: пять на втором этаже, пять – на первом, соединяла их ржавая металлическая наружная лестница.

Он прошел во двор, изучая двери и окна взглядом смотрящего через лупу опытного ювелира. Он быстро решил не вламываться в одну из задних квартир. Если что-нибудь пойдет не так, он окажется в ловушке. Он вернулся в направлении Чепмен-стрит и остановился у квартиры № 2, где жила семидесятидевятилетняя Дженни Винкоу.

С редееющими, белыми как соль волосами, ростом Дженни была 175 сантиметров и весила 86 килограммов. У нее было два сына: Джек, живший в девятой квартире сверху, и Мэнни, в Бенсонхерсте, Бруклин. До 11 ноября 1981 года Дженни жила в Бруклине с Мэнни. У Мэнни, как позже скажет Джек, было «расстройство психики», и он часто ссорился с матерью. Даже несколько раз ее ударил. Джек подумал, что будет лучше перевезти мать в солнечную Калифорнию, где он сможет за ней присматривать. У нее был очень низкий уровень электролитов, она постоянно уставала, и даже обычная прогулка давалась ей тяжело.

В ту ночь окно ее квартиры было открыто, загороженное москитной сеткой. Он убедился, что за ним не следят. Свет с улицы перекрывала высокая густая пальма перед домом. Он не знал, кто живет в квартире № 2, но это не имело значения. Он добьется своего, устранит всех, кто встанет на его пути, и возьмет желаемое. Он будет доминировать, он навязет свою волю.

Он не сомневался в покровительстве Сатаны, извечного врага Христа и всех сил добра. Пока он поклоняется злу, а его сердце глухо к милосердию, Сатана его защитит.

Перчатки мешали убрать сетку, и одну из них пришлось снять. Перчатки он снимал редко, но сегодня вечером он плохо соображал из-за кокаиновой ломки, и руки не слушались.

Он осторожно убрал сетку, тихо положил ее внутрь квартиры и медленно открыл окно. Снова надев перчатку, он ухватился за подоконник, и двумя по-кошачьи легкими, бесшумными, как шелест переворачиваемой страницы движениями, вскарабкался в квартиру. Оказавшись внутри, он встал на пол и дал глазам привыкнуть к темноте. Быстро сообразив, что квартира двухкомнатная, он заметил бедность, в которой жила Дженни Винкоу, и понял, что попал не туда. И разозлился. Разъярился. Ему всегда было очень трудно совладать с гневом.

Стараясь не шуметь, он на носочках вошел в спальню и увидел спящую под бело-коричневым клетчатым одеялом Дженни Винкоу, ее дыхание было медленным и затрудненным. Убедившись, что она одна, он достал фонарик и осмотрел квартиру. Красть было нечего, не считая, разумеется, души Дженни Винкоу...

У изножья кровати он заметил чемодан и подошел в надежде найти в нем что-нибудь на продажу, – чтобы обратить в наличные, кокаин и секс. Открыв его, он увидел только мятую одежду. У стены стоял комод. Он беззвучно обыскал ящики, но опять не обнаружил ничего ценного – ни драгоценностей, ни припрятанных денег. Он посмотрел на спящую Дженни Винкоу, и в нем закипели гнев и ненависть, лицо исказил звериный оскал. Он вынул острый как бритва шестидюймовый² охотничий нож, подошел к кровати и остановился, сердце его забилося учащенно. Он почувствовал, как в висках и в глазах пульсирует горячая кровь. Испытывая сексуальное возбуждение от того, что собирался сделать, он поднял нож и вонзил лезвие в грудь Дженни Винкоу по самую рукоять. Она проснулась и закричала, а он продолжал колоть. Она пыталась отбиться, но это было невозможно: он зажал ей рот рукой, приподнял подбородок и ударил ножом в горло, а потом перерезал его от уха до уха так глубоко, что едва не отрубил голову. Ее тело забилося в конвульсиях. Она давилась и захлебывалась кровью. Последней картиной, представшей перед ее умирающим взором, был он, нависший над ней с ножом. Он стянул одеяло и нанес ей еще три глубоко проникающих удара в грудь. Вонзая клинок, он почувствовал возбуждение, подстегиваемый уверенностью в том, что он соединяется с Сатаной, с самим злом.

Завороженный тем, что он наделал – кровью, зияющими ранами, чувством собственного всемогущества, – он почти час пребывал в восторге и стакан за стаканом пил воду в маленькой душевой комнате, наполненной зловонным духом крови, пота и смерти.

Закончив, он вымыл руки в раковине и вышел из квартиры так же бесшумно, как и пришел, прихватив с собой небольшой портативный радиоприемник. Быстро, хотя и не настолько

---

² В метрической системе – 15 сантиметров.

быстро, чтобы привлечь к себе внимание, он вернулся к угнанной машине, сел в нее и поехал к повороту.

Было пять часов утра, и рассвет медленно наполнял грустное безмятежное небо. Горизонт на востоке казался темно-индиговым, большие пухлые облака над ним пронзали нити восходящего солнца. Это время кинематографисты называют «золотой час»: в воздухе нет бликов, а цвета и очертания делаются резче и четче. Ранним утром люди уже шли на работу в первую смену. В кронах растущих на кладбище и окружавших квартал деревьев щебетали воробьи и зяблики.

Он подъехал к знаку остановки на углу Уэлдон-авеню. Он собирался повернуть, не останавливаясь, но что-то заставило его притормозить, что-то его удержало. Когда он снова тронулся, на углу справа от него медленно остановился черно-белый полицейский автомобиль из Лос-Анджелеса. При виде патруля сердце его замерло. Полицейский заметил, как он проехал всего в полуквартале от того места, где была убита Винкоу. Его одежда была залита ее кровью, и он сидел в угнанной машине с украденным имуществом.

Но с ним был Люцифер, и он поехал в одну сторону, а патрульный автомобиль повернул налево и двинулся в противоположном направлении.

В 13:20 того же дня, десять часов спустя после ухода убийцы, Джек Винкоу пошел навестить маму. У него был обычай заглядывать к ней каждый день примерно в это время. Она любила куриные нагетсы из «Макдоналдса», и он купил ей порцию. Он хотел сделать ей сюрприз.

Джек был фармацевтом, и его недавно уволили. В его машине забарахлил кондиционер, но утром он его починил. Дженни нравилось кататься в прохладной машине, и Джек подумал, что сегодня, после того как она съест нагетсы, он поедет с ней на прогулку.

Подойдя к входной двери, он заметил, что на окне нет сетки. Странно. Он огляделся и поискал ее, но не нашел. Он достал ключи, чтобы открыть дверь. Обычно дверь была заперта, и он не хотел заставлять маму вставать, но дверь оказалась открыта. Это тоже показалось ему странным, мать всегда держала дверь закрытой. Район Чепмен-стрит не самый спокойный, здесь часто случались взломы и кражи. Когда Джек вошел в квартиру матери, на полу гостиной он увидел сетку. На стенах были пятна крови, дом был перевернут вверх дном.

– Мама, ты здесь? Мам? – крикнул он в зловещей тишине. Ответа не последовало. С трепетом он направился к спальне Дженни, и его охватил страх. В спальне был полумрак. Дженни лежала, укрывшись одеялом. Он схватил его, поднял и увидел ужасную картину – зияющие непристойные раны, почти оторванную голову. Джек повернулся и выбежал из квартиры с криком: «Моя мать убита! Вызовите полицию!» Он пошел прямо к управляющим здания, супругам Лауи и Рене Тринке, постучал в их дверь, крича:

– Мою мать убили! Господи, пожалуйста, позвоните в полицию!

Рене поспешил к телефону и набрал 911. Джек подумал, что ему тоже лучше позвонить. Он подбежал к себе в квартиру, набрал 911 и произнес: «Кто-то убил мою мать, пожалуйста, приезжайте поскорее!» Он назвал адрес, и ему сказали, что машина уже выехала.

Он вернулся к фасаду здания, чтобы дождаться властей. Было 13:40, на улице стояла душная и жаркая погода. Слухи о том, что произошло убийство, распространились быстро, и собралась толпа. Джек нервно ходил взад-вперед, по его лицу текли слезы, он всхлипывал, убитый горем. Он вернулся в квартиру матери, открыл шторы, быстро огляделся, а потом снова вышел на улицу.

Первым полицейским на месте преступления был лейтенант Бастер Алтизер.

Он был начальником смены Северо-Восточного полицейского участка Лос-Анджелеса на Норд-Сан-Фернандо-роуд, когда по рации раздался звонок с кодом 187 – «убийство». Участок находился в четырех кварталах от Чепмен-стрит, и лейтенант Алтизер был на месте через

несколько минут. Он припарковался у входа и неохотно вышел из прохладной машины на 35-градусную жару. Подошел к Джеку Винкоу.

– Полиция? – спросил тот.

– Так точно.

– Это я звонил, убили мою мать.

– Это вы нашли тело, сэр?

– Да... в ее квартире, в доме. Я вам покажу.

Лейтенант Алтизер последовал за ошеломленным, ссутулившимся, все еще плачущим Джеком к дверям квартиры № 2. Джек не хотел возвращаться, не мог снова видеть мать в таком состоянии.

– Она в спальне, – сказал он Алтизеру и указал на дверь.

Как только Алтизер вошел в квартиру, он почувствовал запах убийства. Человеческая смерть имеет очень специфический запах, достаточно один раз его вдохнуть, чтобы не забыть никогда. Полицейский медленно прошел в спальню и увидел, что все перевернуто верх дном, а на стенах кровь. Он подошел к кровати, увидел раны, остекленевший взгляд и сразу понял, что это убийство совершено с особым садизмом. Теперь ему требовалось связаться с отделом расследования убийств департамента полиции Лос-Анджелеса и опечатать квартиру. Он вернулся на улицу и позвонил в отдел. Потом достал из багажника желтую ленту ограждения места преступления и оцепил ею переулок и квартиру. Он задал Джеку несколько вопросов, на которые Джек постарался ответить как можно четче, но он был не в себе, и говорить связно ему было трудно.

Потом приехали опытные детективы отдела расследования убийств Джесси Кастильо и его напарник Майк Винн. Алтизер отвел их в квартиру. Они заметили на полу оконную сетку, увидели разгром и все поняли. Заметив кровь в раковине ванной, они предположили, что убийца смывал кровь с рук.

В спальне они заметили комод с открытыми ящиками и разбросанные вещи. Они подошли ближе и изучили раны Дженни Винкоу. Во всем мире работа детективов по расследованию убийств – тяжелое испытание, их мало что может смутить. Но даже детективам отдела убийств очень неприятно видеть убийство пожилого человека.

С холодным взглядом и, не дрогнув ни единым мускулом на лице, Кастильо вызвал людей, снимающих отпечатки пальцев, фотографов, криминалистов и кого-то из офиса коронера. По закону, прежде чем прикасаться к телу, необходимо присутствие представителя офиса коронера Лос-Анджелеса. Когда прибыл патологоанатом Джон Эррера из бюро судебно-медицинской экспертизы, прикрывающее тело Дженни одеяло сняли и приобшили к делу в качестве улики.

Теперь все впервые увидели множественные раны ножом. На руках у Дженни были отметины, указывающие на то, что она пыталась защищаться, отражая колющие удары. На спине, шее, руках и ягодицах Эррера отметил синюшность (свертывание крови под действием силы тяжести). Одея Дженни была в синюю ночную рубашку, задравшуюся на талии. Он отметил, что ластовица ее трусов вырезана, а на левой внутренней поверхности бедра зияет глубокая колото-резаная рана. Присутствовало трупное окоченение. Эррера скальпелем разрезал грудную клетку Дженни Винкоу и вставил термометр, напоминающий кухонный, ей в печень. Ее температура при сравнении с температурой воздуха даст приблизительное время смерти. Температура печени была 34 градуса, а температура в комнате – 27 градусов, что указывало, что она умерла от восьми до десяти часов назад. Дженни положили в черный мешок и повезли в окружной морг на вскрытие.

Работа эксперта по отпечаткам пальцев департамента полиции Лос-Анджелеса Рейнальдо Клары заключалась в том, чтобы найти любые скрытые отпечатки, которые мог оставить убийца. Он пришел и посыпал порошком весь дом, столы, дверные ручки, комоды – все места,

где были пятна крови, – но не нашел ни единого отпечатка. Клара и Кастильо решили обработать ванную комнату нингидрином. Ее поверхности были слишком гладкими, чтобы порошок мог эффективно выявить отпечатки. Нингидрат – это химическое вещество, которое распыляют на пол и стены. Его пары остаются на отпечатках, которые затем можно снять с помощью ленты для отделения отпечатков пальцев. Однако это химическое вещество очень едкое и токсичное, и было решено, что процесс удастся завершить не раньше 9:30 утра следующего дня.

Наконец, Клара сосредоточил внимание на окне, вероятном источнике проникновения убийцы. В перчатках он поднял сетку на яркий солнечный свет Калифорнии, чтобы лучше ее разглядеть. Он протер сетку дактилоскопическим порошком и обнаружил четыре отпечатка пальцев, три из них были частично различимы, а один – смазан.

– Бинго! – воскликнул он.

К нему подошли другие детективы и криминалисты. Он показал им свою находку – возможный ключ к разгадке дела. Клара снял отпечатки специальной лентой и приклеил ленту к карте отпечатков. Затем посыпал порошком само окно и нашел еще два отпечатка: один пригодный для опознания, другой слишком размазанный. Тем не менее было найдено четыре достаточно хороших отпечатка, которые можно использовать для опознания убийцы. Экспертам потребуются годы, чтобы вручную сравнить эти находки с миллионами отпечатков пальцев из картотеки департамента полиции Лос-Анджелеса. Прежде чем отпечатки пригодятся, необходимо найти подозреваемого, с чьими пальцами их можно будет сравнить.

Детективы Кастильо и Винн расспросили всех соседей в многоквартирном доме по Чепмен-стрит, но никто ничего не видел и не слышал. Они обшарили подъездную аллею, мусорный бак перед домом, улицу, бордюры и тротуары в поисках ножа, но ничего не обнаружили. Детективы даже забрались за кладбищенскую стену и искали его там, предполагая, что, уходя, убийца мог перебросить его через стену, но не нашли ничего, кроме нескольких монет, засохших цветов, использованных презервативов и пустых пивных бутылок.

На следующее утро специалисты полиции по отпечаткам пальцев вернулись и опрыскали нингидрином ванную комнату, но больше ничего не нашли.

В 11 часов утра доктор Джозеф Коган провел вскрытие тела Дженни Винкоу. Он обратил особое внимание на необычную рану на шее Дженни: фактически это были две глубокие ножевые раны, по одной с каждой стороны трахеи, соединенные очень глубоким разрезом. Ее убийца, как выяснил доктор Коган, обладал опытом убийства, и немалым. Однако, кроме этого вывода, он мало чем мог помочь следствию.

Глава 2

После умерщвления Дженни Винкоу убийца все глубже и глубже зависел от кокаина внутривенно. Наркотики стали его жизнью, его главной потребностью. Для покупки дозы ему требовались деньги, обычно он раздобывал их, совершая кражи со взломом – нередко по две-три в день.

Всегда в перчатках, всегда одетый в черное, он бесшумно прокрадывался в дома и выходил, не оставляя улик, вынося коллекции монет и марок, телевизоры, видеомагнитофоны, автоответчики – все, что мог унести и продать скупщикам. Сну, еде и мытью он большого значения не придавал, впоследствии в показаниях в полиции и на суде свидетели опишут исходивший от него неприятный запах застарелого пота и дубленой кожи. У него не было друзей, он крайне не доверял людям – закоренелый одиночка.

Нередко от рассвета до заката он не выходил из комнаты, употреблял кокаин, смотрел MTV, слушал хэви-метал и предавался фантазиям об экстремальном сексуальном насилии: представлял, как люди страдают, корчатся в муках и умирают. *«Для настоящего убийцы хорошее убийство как приятный обед: хочется его продлить, выжать из него максимум».*

Его дни, спаянные с кокаином, перетекали в недели, потом в месяцы. Нового насилия не было, зато было множество взломов и ограблений. Он был уверен, что демоны и Сатана защищают его и приглядывают за ним – и потому его никогда не поймают.

Тем не менее он знал, что кокаин заставляет его совершать ошибки, превращает в параноика, а в его деле места ошибкам нет. Лицом к лицу столкнувшись с непреложной реальностью смертного приговора, он зарекся от потребления наркотиков. Только курил травку и время от времени выпивал.

17 марта 1985 года он купил у ошивавшегося у автовокзала тощего рябого мексиканца револьвер 22-го калибра. При выстреле с близкого расстояния пули 22-го калибра смертельны. Он знал, что убийцы по всему миру предпочитают этот калибр. *«Попав в череп, пуля идет не навывлет, а движется зигзагами и разворачивает мозг, что почти всегда фатально».*

Машину он угнал на заправке, пока хозяин ходил платить за бензин. Он сразу же выехал на систему автострад Лос-Анджелеса с единственной целью найти жертву, убить человеческое существо. Для него это величайший наркотик из всех, самый невероятный кайф.

Этой ночью он снова был в черном и темно-синей бейсболке AC/DC. У него имелся кассетный аудиоплеер, где он снова и снова слушал альбом группы AC/DC «Дорога в ад», и жесткие ритмы музыки подхлестывали его яростную решимость.

Мария Эрнандес была миниатюрной привлекательной брюнеткой с большими круглыми глазами и чистой оливковой кожей. Ее он заметил на автостраде, когда она за рулем золотой «Камаро» возвращалась домой после ужина у своего парня в Монтерей-Парке. Когда она свернула с шоссе и направилась в пригород Розмид – красивый жилой район с населением в 46 тысяч – он увязался прямо за ней.

Он ехал за ней три квартала, пока она не притормозила и не свернула направо в новый кондоминиум на Виллидж-лейн. Он проследил за ней и увидел, как она свернула сначала налево, потом направо и с заднего двора въехала в последний гараж кондоминиума, который она арендовала вместе с Дейл Окадзакки, чей зеленый фургон «Тойота» уже стоял в гараже.

Чуть раньше в тот вечер Дейл, которой через две недели должно было исполниться тридцать пять, съездила проведать маму и папу, посмотреть телевизор и поболтать. Она радовалась недавнему повышению до должности диспетчера дорожного движения округа Лос-Анджелес. Дейл была одной из троих детей в дружной, заботливой и любящей семье. Она училась в городском колледже Пасадены. Завятая лыжница, она к тому же брала уроки украшения тортов,

флористики, программирования и самообороны. Дейл была очень целеустремленной, любила жизнь и умела ей радоваться. Она упорно копила, чтобы купить кондоминиум, который делила с Марией.

Когда Мария въехала в гараж, убийца припарковался, вышел из машины и двинулся прямо на нее – быстрыми шагами, голова опущена, как будто он уставился в землю. По обе стороны стояли двухэтажные дома с рыжевато-коричневой штукатуркой, их окна выходили в переулок. Карманы его были пусты, ничего не было, кроме только что купленного револьвера 22-го калибра – ни удостоверения личности, ни сдачи, ибо монеты могли зазвенеть. Стояла беззвучная тишина, нарушаемая разве что шелковистым шелестом толстых пальм.

Выходя из машины, Мария держала в руках ключи и коричневый кожаный клатч. Входом в дом была дверь на противоположной стене гаража. Обойдя две машины, она подошла к ней. На стене возле двери была кнопка, открывающая и закрывающая ворота гаража. Мария нажала ее, и ворота стали закрываться.

В этот момент убийца наклонился, чтобы войти в гараж, и двинулся прямо к Марии, все еще стоявшей к нему спиной. Когда он наклонился, у него с головы упала бейсболка с надписью «AC/DC». Он вскинул револьвер и направил прямо ей в голову. Чтобы попасть в дом, Марии требовалось открыть два замка. Открыв один, она повернулась – возможно, услышав шум от падения бейсболки. Он находился в двадцати шагах от нее и приближался, целясь прямо между ее глаз. Она действительно могла заглянуть в самое дуло нацеленного на нее револьвера.

– Нет, господи, пожалуйста, не надо! Нет! – закричала она, механически подняв руку. Он продолжал наступать. Когда пистолет оказался в метре от ее лица, ворота гаража закрылись, свет автоматически погас, и они внезапно погрузились в темноту. В этот момент он выстрелил, но Мария, защищаясь, подняла правую руку, и пуля чудом срикошетила от связки ключей. Мария упала, притворившись мертвой.

Решив, что убил ее, он отпихнул тело в сторону и поднялся на десять ступенек вверх. Войдя в дом, он очутился в красиво обставленной столовой с примыкающей кухней. На кухонных стойках и на обеденном столе стояли вазочки с цветами. Он увидел Дейл, а та, в надежде, что он ее не заметил, нырнула за выложенную белой плиткой кухонную стойку. На ней была мешковатая футболка «Доджерс» и выцветшие джинсы. Дейл была очень красива: прямые черные волосы до плеч, лицо в форме сердечка и полные округлые губы. Он знал, что она снова выпрямится, и, затаив дыхание, замер, нацелил револьвер в пустое пространство над стойкой и стал ждать.

Тем временем в гараже Мария встала, открыла гаражные ворота и побежала по переулку к фасаду комплекса, сбитая с толку и напуганная.

Несколько долгих секунд спустя любопытство Дейл взяло верх, и она, трясаясь и дрожа, медленно приподнялась, чтобы посмотреть, ушел ли этот человек. Она понятия не имела, кто он такой и зачем он здесь, но она слышала выстрел, и в его черных глазах она успела так отчетливо, как никогда в жизни, увидеть смерть.

Едва она поднялась над стойкой, он выстрелил и попал ей прямо в лоб. Дейл упала, пулевое отверстие размером с десятицентовик мгновенно распухло, побагровело, и из него брызнула струя крови толщиной с палец.

В напряжении он повернулся и вышел через парадную дверь. Мария увидела его высокую, худощавую фигуру в черной одежде, торопливо идущую по дорожке от дома. Он заметил ее и навел на нее револьвер.

– О, пожалуйста, не надо! Пожалуйста, не убивайте меня! Пожалуйста, не стреляйте в меня снова! – умоляла она, прячась за оранжево-черный «Фольксваген-жук».

Думая, что уже убил ее, он удивился, увидев ее живой. Опустил лохматую голову и, продолжая угрожать револьвером, поспешил обратно к угнанной машине. Затем сел в нее и

умчался, оставив Марию Эрнандес в живых и дав следствию первого свидетеля. Уезжая, он понял, что, наклонившись при входе в гараж, потерял бейсболку AC/DC.

Испытывая сексуальное возбуждение от каждого аспекта события – выслеживания, преследования, убийства – он выехал на шоссе Сан-Бернардино. За рулем он раз за разом прокручивал в уме то, что только что совершил – вспоминая все звуки, картины, запахи.

Он посмотрел направо и заметил миниатюрную Веронику Ю, съезжавшую с шоссе в Монтерей-Парк, 65-тысячную общину с преимущественно азиатским населением и собственным отделением полиции. Тридцатилетняя студентка юридического факультета устала. Она ездила навестить близкую подругу детства Джун Ван, и они проговорили много часов. В дом Джун в Аркадии она приехала в десять часов утра. Был День святого Патрика, и у обеих женщин был выходной.

По-китайски Веронику звали Цзай-Лянь Ю. Пообедала она в доме Джун, а ужинать обе женщины с полуторагодовалым сыном Джун отправились в ресторан «Эдокил» в Пасадену. И Вероника, и Джун, родились на Тайване. Обе иммигрировали в Америку семь лет назад и говорили по-английски с сильным акцентом. Вероника жила с родителями в Монтерей-Парке. Ей не терпелось приехать домой и лечь спать.

Убийца резко вывернул руль и во второй раз за вечер поехал за выбранной наугад женщиной, не подозревавшей, что ее преследует смерть.

Когда Вероника заметила мужчину в «Тойоте» и поняла, что он едет за ней, она принялась искать полицейскую машину. Проехав еще квартал, она свернула на обочину и остановилась, чтобы лучше его рассмотреть. Он проехал мимо, решив, что найдет кого-нибудь еще, и чертыхнулся себе под нос.

Однако теперь она следовала *за ним*. Миновав один квартал, он остановился на красный свет на Норт-Альгамбра-авеню, милой улице с двусторонним движением, ведущей прямо к шоссе № 10. Он выключил фары, вышел из машины и подошел к ней. Ствол был заткнут за пояс под блестящей черной кожаной курткой.

Хорхе Гальегоса, чуть дальше по улице сидевшего с подругой Эдит Аль-Кааз в белом дядином пикапе «Форд», он не видел.

Вероника открыла окно.

– Почему ты меня преследуешь? – требовательно спросила, негодуя тыча в него пальцем.

– Я не преследую. Я принял тебя за знакомую, – сказал он.

– Неправда. Ты преследуешь меня. Зачем? Чего тебе надо? – темные и сердитые миндалевидные глаза на ее красивом нежном лице недоверчиво блеснули.

– Я тебя не преследовал. Я принял тебя за знакомую, – повторил он, заранее представляя себе ее смерть.

– Лжец, – сказала она, вызываясь встретившись с ним взглядом. Она начала сдавать назад.

– Я позвоню в полицию, – сказала она и посмотрела на номерной знак угнанной «Тойоты», запоминая его.

– Говорю тебе, я принял тебя за знакомую. Я тебя не преследовал...

– Я скажу, что ты меня преследовал. Зачем?

Он приблизился к машине, в голове у него выкристаллизовался план похищения, садистского секса и убийства. Он внезапно протянул руку, схватил Веронику за плечи и попытался вытянуть ее прямо из окна машины. Она закричала.

Вытащить ее из окна ему не удалось – водительская дверь была заперта, открыть ее он не смог. Заметив, что пассажирская дверь не заперта, он перемахнул через машину и потянулся,

чтобы ее открыть. Правой рукой Вероника поспешила запереть дверь, но не успела. Он сел к ней в машину.

– Что ты хочешь? – умоляюще спросила она мужчину в черном.

Он ничего не ответил, просто вытащил ствол 22-го калибра и выстрелил ей в бок под правой рукой, в полуметре от макушки. Она открыла дверь, чтобы бежать, и он выстрелил в нее снова, на этот раз попав в поясницу. Ей удалось выбраться из машины, она потеряла туфлю, шатаясь, прошла несколько шагов и упала на улицу, истекая кровью. Умирая.

– Помогите мне! Помогите мне, помогите, – стонала она.

– Сука! – сказал он.

Смеясь, он поспешил к «Тойоте», сел в нее и поехал на шоссе. Он знал, что люди видели машину, и через несколько минут ее будет искать полиция. Он съехал с шоссе, избавился от машины и сел в автобус, идущий в центр Лос-Анджелеса, воображая себя солдатом Сатаны, возвращающимся из боя с неверными.

Глава 3

Мария Эрнандес не смогла запомнить ни марку, ни цвет, ни номер его машины. Она была слишком потрясена, чтобы ясно мыслить.

Когда он уехал, она выждала несколько секунд, а потом побежала обратно в кондоминиум. У нее кровоточила и ужасно болела рука, боль была жгучая, острая, но она не обращала на нее внимания. Она беспокоилась о Дейл.

Соседку Мария нашла лежащей на полу кухни лицом вниз, вокруг головы расплзлось густое кровавое пятно. Она окликнула Дейл, потрясла ее за плечо, но тщетно. Истерически рыдая, она побежала наверх, убедилась, что в доме никого нет, сняла трубку и позвонила в полицию.

«Почему, – спрашивала она себя, – этот безумец в черном пытался убить ее и застрелил Дейл?» Она позвонила своему парню и рассказала ему, что случилось. Тот сообщил, что приедет.

В тот вечер заместители шерифа Лос-Анджелеса Джон Пауэлл и Энтони Даллас работали с шести до двух. В 22:57 они получили звонок о застреленной женщине, включив сирену и красные мигалки и дав полный газ, приехали к кондоминиуму через две минуты.

Полицейский Пауэлл, крупный, серьезный мужчина, постучал в дверь. Спустя несколько мгновений ему открыла Мария, прижимавшая к правой руке окровавленное полотенце. Как смогла, она объяснила, что произошло, и провела их на семь ступенек вверх, на второй этаж. Полицейские Пауэлл и Даллас увидели неподвижно лежавшую на полу кухни Дейл Окадзаки. Пауэлл наклонился к ней проверить пульс, пульса не было.

Прибыли сотрудники «Скорой помощи» и перевернули Дейл. Заместители шерифа и Мария впервые увидели пулевое отверстие во лбу Дейл. Медики задрали рубашку Дейл и попытались провести реанимацию электрическим током, но безуспешно. Ее признали погибшей прямо на месте. Прибыло еще несколько заместителей шерифа, они оцепили квартиру, переулок и гараж желтой лентой, а затем связались с убойным отделом департамента шерифа. Марию доставили в больницу Беверли в Монтебелло.

В то же время в Монтерей-парке Хорхе Гальегос был первым, кто подошел к лежащей на улице Веронике Ю. Глаза у нее были открыты, она дышала, но говорить не могла. Он плохо говорил по-английски, но все же спросил ее, что случилось – кто этот человек.

Двоюродный брат Эдит, Джозеф, спустился с верхнего этажа и сказал им, что вызвал полицию, – услышав крики о помощи, он вышел на веранду в спальне и увидел, как убийца пытался вытащить Веронику из машины. Из домов и квартир вышли остальные жители и собрались вокруг умирающей женщины.

Первым прибыл полицейский Рон Эндо из полиции Монтерея. Подъехав к машине, он увидел Веронику в свете фар. Эндо скомандовал всем отойти и проверил ее пульс – тот был слабым, но она еще дышала. На ней были коричневые брюки, синяя блузка и черный блейзер. Одна туфля валялась на улице. На шее у нее были серебряная цепочка и круглый медальон.

И Хорхе Гальегос, и Джозеф Дуэнас заявили, что видели, как все произошло. Прибыл полицейский Гораевски из полиции Монтерея и принялся сдерживать растущую толпу.

Когда полицейский Эндо попытался получить от Вероники показания, она перестала дышать. Вместе с Гораевски они пытались вернуть ее к жизни, пока не прибыла «Скорая помощь». Включив сирену, красные мигалки, разрывающие безмятежный воскресный вечер, медики повезли ее в реанимацию больницы Монтерей-Парка.

Веронику привезли в отделение неотложной помощи больницы Гарфилд в Монтерей-Парке. После осмотра и проверки показателей жизнедеятельности доктор Ричард Тенн констатировал смерть.

Эдит, Хорхе и Джозефа Дуэнаса доставили в полицейский участок Монтерей-Парка, где они дали показания детективу Тони Ромеро.

В тот вечер Гил Каррильо, заместитель начальника убойного отдела департамента шерифа Лос-Анджелеса, был дома и смотрел телевизор. Это было располагающее к лени, дарующее отдых воскресенье, и Гил провел день с семьей.

Гил был ростом 190 сантиметров и весом 125 килограммов, с густой шевелюрой блестящих черных волос и всегда готовой соскользнуть с губ обаятельной улыбкой, удивительной для полицейского, занимающегося расследованием убийств. В свои тридцать четыре года Каррильо был самым молодым детективом в отделе по расследованию убийств департамента шерифа, состоявшем из пяти подразделений, от двенадцати до шестнадцати детективов в каждом, плюс лейтенант и пять сержантов. Они отвечали за раскрытие всех убийств в 64 из 96 общин, составлявших комплекс округа Лос-Анджелес. Работали они посменно, и Каррильо «поймал» вооруженное нападение на Эрнандес/Окадзаки.

Каррильо быстро оделся, поцеловал жену Перл и сказал, что они увидятся, когда он вернется. Он никогда не знал, когда вернется домой, и уже не сообщал ей о времени. У Гила и Перл было трое детей: две дочери, Рене и Тиффани, и самый младший – сын, Гил-джуниор, которого звали Джей Ар. Гил вырос в Пико Ривера ³, у него было шесть сестер, с которыми он был очень близок. Он воевал во Вьетнаме в разгар Тетского наступления, где был удостоен «Медали за доблесть» и «Бронзовой звезды». В отделе Гил успел поработать над более чем 300 делами об убийствах.

Каррильо жил в десяти минутах от Розмида ⁴ и приехал к кондоминиуму чуть за полночь. Пауэлл и Даллас ввели его в курс дела. Он хотел поговорить с Марией, но ему сообщили, что она в больнице.

Сначала он обошел задний двор, повторив путь убийцы. Когда он подошел к открытому гаражу, первое, что он увидел, была лежащая на полу темно-синяя бейсболка AC/DC. Ее не трогал – этим займутся уже вызванные криминалисты.

Он вошел в гараж и осторожно подошел к стене с входной дверью. Заметил кровь на стене, ключи Марии и коричневый кожаный клатч на полу. У северной стены стояли стиральная машина, сушилка и корзина. Он осматривал все очень внимательно, и взгляд его темных глаз исполнился предельной серьезностью и неотступной пытливостью хорошего копа из отдела убийств. Сделав долгий медленный вдох, Каррильо тяжелым, неловким шагом вернулся к переднему фасаду – всегда, когда он шел, казалось, за ним дрожит земля.

Он последовал за полицейским Пауэллом на кухню, посмотрел на пулевое отверстие во лбу Дейл и понял, что смерть, скорее всего, наступила мгновенно: пуля была небольшого калибра и разворотила мозг. Напарник Каррильо, сержант Джим Мерсер, крупный суровый мужчина, прибыл в сопровождении сотрудников криминалистической лаборатории. Их работа заключалась в том, чтобы должным образом систематизировать и сохранить для суда все обнаруженные улики. Начались фотографирование и попытки снятия отпечатков пальцев с дверей гаража, стен лестничной клетки, где проходил убийца, кухонной стойки и входной двери. Кроме отпечатков двух женщин, криминалисты ничего не нашли.

В этот момент Каррильо подумал, что убийство связано с каким-то любовным треугольником. Объяснение казалось единственно возможным. Ограбление отпадало, потому что ни у

---

³ Город на юго-востоке округа Лос-Анджелес.

⁴ Также один из городов округа Лос-Анджелес.

Марии, ни у Дейл ничего не украли. Детективы опросили всех соседей, которых смогли найти. Никто ничего не видел и не слышал – 22-й калибр не очень шумный.

Прибыл Уильям Рэйни из службы коронера, осмотрел Дейл, официально констатировал смерть и забрал тело для вскрытия.

В три часа ночи Каррильо стоял в вестибюле у входной двери. В квартире горел весь свет, а технические специалисты принесли прожекторы. Несколько соседей все еще стояли и смотрели на ограждение из ленты, сокрушаясь, как опасен стал мир и какой хорошей женщиной была Дейл Окадзаки.

К одному из заместителей подошла невысокая сдержанная женщина, которая тихо плакала. Она представилась матерью Марии Эрнандес и хотела зайти в дом взять кое-какие вещи своей дочери. Полицейский сказал ей, что ему надо спросить разрешения у одного из детективов отдела убийств, и подошел к Каррильо, передав ему просьбу, и тот ответил, что подойдет, как только освободится. Огромное тело Каррильо силуэтом вырисовывалось в дверном проеме. Заместитель вернулся к миссис Эрнандес и попросил ее подождать, но в этот момент она увидела Каррильо и крикнула:

– Гилберт... Гилберт, это ты?

Каррильо остановился и медленно пошел к миссис Эрнандес, гадая, кто, черт возьми, называет его Гилбертом. Все звали его Гил. Он подошел к миссис Эрнандес.

– Ты Гилберт Каррильо? – спросила она.

Она показалась ему знакомой, но он не мог вспомнить откуда. Извинившись, он сказал ей, что ее не знает.

– Гилберт, я – Милашка, подруга твоей сестры Роуз, помнишь? Я – мать Марии.

– О, конечно. Сочувствую вам, – сказал Каррильо и отвел миссис Эрнандес в сторону, подальше от суеты расследования. Эрнандесы были соседями родителей Каррильо в Пико Ривера и хорошими их друзьями. Мать Гила была крестной Марии.

Миссис Эрнандес пересказала ему все, что узнала от дочери о нападении и травме: пуля сломала средний сустав указательного пальца, и потребуется операция. Рассказала, что дочери стреляли прямо в лицо, и жизнь Марии спасли ключи. И миссис Эрнандес, и Марию Каррильо не видел двадцать один год. Он согласился, что Марии действительно повезло, и спросил, знает ли она нападавшего.

– Нет. Она никогда его раньше не видела. Он просто внезапно оказался там, в гараже, и пошел прямо на нее.

– Пожалуйста, скажите ей, что позже я приду в больницу с ней поговорить.

– Скажу. И, пожалуйста, передай своей семье мои наилучшие пожелания.

Каррильо пообещал передать. Он пошел и забрал из дома вещи, которые просила миссис Эрнандес, отдал ей и вернулся к работе.

Каррильо очень хотел поговорить с Марией. Он знал, что Эрнандесы – прекрасные работающие люди, и Мария скажет ему правду. Умение убедить людей сказать правду было его коньком: он общался мягко и уважительно, но в то же время серьезно. Часто люди бывали застигнуты врасплох его ласковыми манерами, которые так отличались от его серьезного лица и крупного, сильного тела. Благодаря участливому выражению лица и искреннему взгляду ему часто удавалось добиться от подозреваемых признания.

В пять часов утра, обсудив разные версии и гипотезу «любовного треугольника», Джим Мерсер и Каррильо прекратили работу на месте преступления. Когда тем утром Каррильо ехал домой, жаркий, пламенный рассвет уже окрашивал небо. Он устал и с нетерпением ждал пары часов отдыха перед возвращением к работе. Ловить убийц ему часто приходилось, не выспавшись.

В тот же день Каррильо пошел в больницу Беверли навестить Марию и нашел ее на блестящей белой больничной койке с большой повязкой на правой руке и в очень подавленном

настроении. Он обнял и поцеловал ее, выразив искренние соболезнования в связи с потерей подруги. Пододвинув стул к кровати, он усадил свое огромное тело, скрестил ноги, наклонился вперед и попросил Марию рассказать ему, что, черт возьми, вообще произошло.

Немногословная, Мария неторопливо рассказывала ему о том, что видела. На вопрос, кто, по ее мнению, мог быть убийцей, она ответила, что понятия не имеет. У нее и Дейл не было «ни врагов, ни брошенных парней, ни странных телефонных звонков, ничего такого».

– Почему, – спросил он, – этот мужчина просто пошел за тобой в гараж и выстрелил в тебя?

Глядя прямо ему в глаза, Мария повторила, что для нее это полная загадка, и Каррильо ей поверил. Он хорошо разбирался в людях и знал, что она сказала правду. Он спросил, была ли у кого-то и девушек бейсболка с логотипом AC/DC. Она сказала, что нет. Он снова попросил ее описать мужчину, которого она видела в гараже.

– Ростом 177–178 сантиметров, худощавый, с черными волосами и мрачными, очень страшными глазами. Я открывала дверь в дом, когда услышал шум, – может, он шаркнул ногой. Я повернулась и увидела, что он идет прямо на меня.

– Он шел быстро?

– Нет, шел спокойно, и пистолет направил прямо мне в лицо.

– Он что-нибудь говорил?

– Ни слова.

Каррильо сообщил ей, что клатч и ключи хранятся у них как вещдоки, пообещав вернуть их как можно скорее. Она поблагодарила его, и он спросил:

– Когда ты с этим справишься, я бы хотел, чтобы ты объяснила мне, что произошло у тебя дома, хорошо?

– Конечно... я помогу всем, чем смогу.

– Ты точно никогда раньше не видела этого парня?

– Точно никогда.

– Говоришь, что хорошо разглядела его в гараже?

– Я ясно видела его лицо.

– Я бы хотел, чтобы ты поработала с полицейским художником, и вы как можно скорее составили фоторобот – пока воспоминания еще свежие, – попросил Каррильо.

– Конечно, присылайте его.

– Ты готова к этому?

– Я готова.

Поговорив еще немного, он встал, крепко обнял ее и ушел. Он знал, что Марии очень повезло. Не останови пулю ключ в ее поднятой руке, сейчас он, скорее всего, присутствовал бы на ее похоронах.

Практически полностью уверившись, что «любовный треугольник» тут ни при чем, Каррильо оказался в еще большем замешательстве. «Почему – непрестанно спрашивал он себя, – этот парень в черном стрелял в этих женщин?» У него было две дочери. Он представлял, как сейчас страдают родители и близкие Дейл. И знал, что, если он найдет убийцу их дочери, это облегчит их горе.

В начале карьеры Каррильо прослушал в Университете штата Калифорния углубленный курс по уголовным расследованиям, связанным с преступлениями на сексуальной почве, который читал отставной агент ФБР, профессор Боб Морно, один из создателей Отдела поведенческого анализа ФБР в Куантико, штат Вирджиния.

Профессор Морно учил Каррильо, что при подходе к убийцам никогда не следует воспринимать как очевидное то, что таковым кажется, поскольку для серийного убийцы сексуален сам акт убийства. Он говорил Каррильо: «Вот вы увидите, что убийца навалил кучу на месте убийства, и большинство просто скажут: «Эй, смотрите, насрал как свинья». Но вы должны

понимать, что убийца тем самым сообщает вам, что секс был частью мотива убийства, и вы должны направить ваше расследование на поиски сексуального преступника. Помните: секс – это то, что так или иначе доставляет удовольствие».

Гил хорошо усвоил уроки профессора Морно, и теперь задавался вопросом, не испытывал ли этот убийца сексуальное удовольствие, просто убивая людей.

Раздумывая над этим, он услышал об убийстве Вероники Ю и позвонил Тони Ромеро в полицейский участок Монтерей-Парка, чтобы обменяться информацией. Каррильо сразу почувствовал, что это тот же самый парень. Ромеро сказал ему, что один из его свидетелей, Хорхе Гальегос, назвал несколько вариантов номера машины и что они пытаются найти автомобиль. Каррильо попросил Ромеро держать его в курсе.

Несвоевременный обмен информацией между различными правоохранительными органами округа Лос-Анджелес усложнял и без того нелегкую работу добросовестных следователей.

На следующее утро детективы Каррильо и Мерсер присутствовали на вскрытии Дейл Окадзаки в здании бюро судебно-медицинской экспертизы в Лос-Анджелесе. Абдукцию в очень ярко освещенной комнате с белыми стенами проводил доктор Джозеф Вегнер, опытный патологоанатом, которого Каррильо уважал. Двум детективам пришлось наблюдать за всей процедурой, занявшей семьдесят две минуты. На вскрытии они, как следователи, были обязаны присутствовать по закону.

Все началось с замера веса и роста. Во время работы доктор Вегнер надиктовал на магнитофон выводы для отчета, который напечатают позже в тот же день. Было очевидно, что причиной смерти стало огнестрельное ранение в голову. Когда доктор Вегнер вскрыл череп Дейл, он увидел серьезные повреждения мозга. Он без особого труда обнаружил пулю 22-го калибра, очистил ее от мозгового вещества и передал Каррильо, обратив внимание, что пуля деформирована из-за удара о череп Дейл. Он положил пулю в небольшой пластиковый пакет за номером 85–7086, – номером вскрытия Дейл. Потом доктор Вегнер сделал Y-образный надрез, начинающийся от линии лобковых волос. После этого грудина Дейл Окадзаки была отодвинута, а внутренние органы извлечены, исследованы и взвешены.

Пока Каррильо наблюдал, как быстро и уверенно работает доктор Вегнер, его мысли возвращались к тому, что рассказала ему Мария. Он представил, как испугалась Дейл, впервые увидев своего убийцу: сначала она услышала выстрел, а вскоре увидела, как он направляет ствол на нее. Каррильо не сомневался, что Дейл видела его лицо.

Он подумал, что, возможно, она молила о пощаде. Он не мог знать, что прежде чем в нее попала пуля, она пряталась за кухонной стойкой.

По словам Марии, убийца держал пистолет в боевом положении и пытался выстрелить Марии в голову – произвести «смертельный выстрел». Возможно, подумал Каррильо, этот парень ветеран войны или бывший сотрудник правоохранительных органов.

У него под ложечкой зашевелилось очень скверное предчувствие в отношении человека, уложившего Дейл на стол для вскрытия. Он считал, что нападение совершенно случайное и, если мужчину в черном не остановить, он убьет снова, и очень скоро.

После вскрытия двое детективов департамента шерифа вернулись в офис. На столе Каррильо лежала копия составленного со слов Марии фоторобота – худое длинное лицо, темные круглые глаза навывкате.

Каррильо часто бывал в офисе шерифа Восточного Лос-Анджелеса, где собирались детективы из разных убойных отделов: это место было облюбовано ими как неформальная пристройка к своему офису в здании полицейского управления.

В полицейском участке Восточного Лос-Анджелеса он столкнулся с заместителем шерифа Рене Галиндо, занимавшимся составлением фотороботов и снятием отпечатков паль-

цев. Когда Каррильо показал ему фоторобот со слов Эрнандес, у него от удивления расширились глаза. Он составил фоторобот подозреваемого, пытавшегося похитить девочку из Монтебелло. Он принес свой листок, и когда они сравнили фоторобот, составленный со слов Марии и фоторобот Рене, они оказались похожи. Гил отметил про себя, что нужно прочитать телегазеты и посмотреть, нет ли еще каких-нибудь преступлений на сексуальной почве, совершенных парнем в черном.

В то же утро доктор Сьюзен Селсер провела вскрытие тела Вероники. На вскрытии присутствовали детектив из Монтеррея Тони Ромеро с напарником.

Вначале Ромеро считал, что убийцей Вероники, скорее всего, был ее парень, однако, поговорив с семьей и подругами Вероники, он уже сомневался, что убийство явилось скверным завершением ссоры с любовником. Ограбление, похоже, тоже стоило отметить:

– Ее сумочка лежала прямо в машине, у всех на виду, – доложил полицейский, первым прибывший на месте происшествия.

Доктор Селсер пометила пулевые отверстия номерами «1» и «2», и быстро приступила к делу: вскрыла тело Вероники, чтобы точно установить для суда, как именно она умерла. Она отметила повреждения, нанесенные каждой из пуль, их траектории и углы вхождения. Затем удалила пули и отдала их детективу Ромеро.

Позже в тот же день баллистики сообщили, что изъятые из тел Дейл Окадзаки и Вероники Ю пули «скорее всего» выпущены из одного и того же оружия, но пуля, извлеченная из тела Дейл, слишком повреждена для абсолютно точной идентификации. Теперь Гил Каррильо обратился за советом к сержанту Фрэнку Салерно.

– Фрэнк был самым лучшим из нас, и мне хотелось знать, что он думает, – вспоминал Каррильо. – Он руководил оперативной группой по поимке Хиллсайдских душителей и знал серийных убийц. Лучшего детектива по расследованию убийств, чем Салерно, не найти.

Глава 4

Фрэнку Салерно было сорок шесть лет, рост – 188 сантиметров, вес – 100 килограммов, и его яркие светло-карие глаза, казалось, могли видеть все вокруг насквозь. В правоохранительных органах Лос-Анджелеса он был легендой. Его прозвали «Бульдог», поскольку, вцепившись во что-то, он уже не разжимал хватки. Заядлый спортсмен, стрелок и ценитель огнестрельного оружия, охотник и рыболов, он обладал еще одной страстью, помимо поимки убийц – утиной охотой, о чем красноречиво свидетельствовали стены его дома, украшенные трофеями.

Для поддержания формы Салерно каждый день плавал в бассейне на заднем дворе своего дома. Широкоплечий, с накачанными мускулистыми руками, он двигался неторопливо и уверенно, как боксер-тяжеловес в расцвете сил.

Бассейн Салерно построил на премию за сверхурочную работу, полученную за руководство оперативной группой по поимке Хиллсайдских душителей: над этим делом он работал семь дней в неделю в течение почти четырех месяцев, и с 31 октября 1977 года по 17 февраля 1978 года спал всего несколько часов в сутки.

Как выяснилось, Хиллсайдскими душителями на самом деле оказались два двоюродных брата, Анджело Буоно и Кеннет Бьянки, которые, выдавая себя за полицейских, похитили, пытали, изнасиловали и убили десять женщин, чьи обнаженные тела бросили – часто в непристойных позах – на склонах холмов в разных районах Лос-Анджелеса. Несколько тел обнаружили в Глендейле, где у Анджело Буоно была мастерская по обивке салонов автомобилей. Именно Фрэнк Салерно нашел в веке первой жертвы крошечный кусочек нитки, совпадавший с обивочными тканями в мастерской – благодаря чему в конечном итоге удалось связать Буоно с преступлениями.

Фрэнк женился на подруге детства Джейн, и у них было трое детей – дочь Терри и два сына, Фрэнк-младший и Майкл. Фрэнк-младший пошел по стопам знаменитого отца: служил заместителем шерифа и надеялся в один прекрасный день стать детективом по расследованию убийств.

Сын итальянских иммигрантов, Салерно никогда не помышлял стать детективом. Хорошего ученика и отличного спортсмена после окончания средней школы благодаря футбольной стипендии приняли в Университет Нотр-Дам. Семья им очень гордилась. Однако в престижном учебном заведении он чувствовал себя не в своей тарелке, ужасно скучал по Джейн и решил вернуться в Лос-Анджелес. Там он поступил в двухгодичный колледж Вэлли и женился.

Когда Джейн забеременела, финансовые проблемы вынудили Фрэнка бросить учебу и пойти работать на семейное предприятие по обивке мягкой мебели. Однако это дело показалось ему скучным и однообразным. Именно тогда он прочел в «Лос-Анджелес таймс» объявление о вакантной должности в офисе шерифа, обещавшей хорошую зарплату, гарантированную пенсию и интересную работу. Фрэнк подал заявление, его приняли, и он начал профессиональное обучение.

Для занятия должности заместителя шерифа Лос-Анджелеса соискатель должен был минимум год отработать охранником в тюрьме округа Лос-Анджелес. Опыт, полученный кандидатами в тюрьме, помогал им понять человеческую природу и менталитет преступников, что необходимо для хорошего полицейского.

После того как Салерно прослужил тринадцать месяцев в тюрьме, пришло время перевести его в полицейский участок. От него потребовали заполнить формуляр со списком трех районов, где он хотел бы работать. Во всех вариантах он указал полицейский участок Восточного Лос-Анджелеса.

Два дня спустя ему позвонил сержант и сказал:

- Послушай, Фрэнк, ты уверен, что хочешь в Восточный Лос-Анджелес?
- Да, я уверен, хочу именно туда.
- У них там очень суровый начальник смены.
- Ничего страшного, спасибо, что спросил.

Первым напарником Салерно был темнокожий Уилли Хилл. Ростом 175 сантиметров, Уилли был очень мускулистый, решительный и бесстрашный. В Восточном Лос-Анджелесе часто происходили драки и жестокие стычки в барах – в ход шли трубы, бейсбольные биты и разбитые бутылки, – а Фрэнку и Уилли Хиллу приходилось их пресекать без колебаний. Уилли бросался в замес, порой с участием десяти и более человек, и в мгновение ока все у него лежало на полу, кроткие и сговорчивые.

Благодаря производимым задержаниям Салерно стал часто встречаться с детективами. Те сталкивались с настоящими преступлениями, и общение с ними вызывало у Фрэнка сильнейшее желание стать одним из них.

Чтобы стать детективом, необходимо произвести множество успешных задержаний за уголовные преступления. Фрэнк Салерно начал развивать сеть уличных информаторов, завел черную книжечку с их именами, подробностями и деталями того, что им известно. К своим информаторам он всегда относился с уважением, держал данное им слово. И постепенно с помощью этой сети доносчиков, развитой благодаря личному обаянию, он начал производить множество задержаний за уголовные преступления, большинство из которых подтверждались в суде. Детективы стали замечать Фрэнка Салерно.

В августе 1966 года Салерно впервые приступил к обязанностям детектива в полицейском участке. Ему очень понравилось, и он сообщил жене, что нашел дело своей жизни.

Его смены начинались в пять часов вечера, потом шли ночные дежурства с двенадцати до восьми. Чаще всего он занимался делами, связанными с несовершеннолетними преступниками и уличными бандами, хотя забот было полно всегда: всю ночь случались самые разные преступления.

В итоге ночные часы работы стали для Фрэнка проблемой: к тому времени у него было трое детей, которых он очень редко видел, и это сильно его беспокоило.

Оптимизировать свое рабочее время и при этом по-прежнему работать детективом он мог, только став сержантом. Фрэнк усердно учился, в январе сдал экзамен, и его имя внесли в список кандидатов, сказав, что назначат на должность, как только появится вакансия.

Бобби Пендленд, его коллега из Восточного Лос-Анджелеса, рассказал ему, что в подразделении по борьбе с наркотиками открылась вакансия. Салерно предпочел бы работать с ограблениями и убийствами, но узнав, что служба предполагает исключительно дневную смену в полицейском участке Восточного Лос-Анджелеса, а все выходные будут свободны, он не мог отказаться.

Вскоре Салерно начал заниматься проблемой наркотиков в Восточном Лос-Анджелесе. Назначение случилось еще до чумы кокаинового крэка, и большинство произведенных им арестов были связаны с героином, марихуаной, барбитуратами, амфетаминами и всевозможными таблетками.

В сентябре 1967 года Фрэнка Салерно произвели в сержанты, – мечта стать полноценным детективом наконец сбылась. Его назначили начальником подразделения по борьбе с наркотиками из восьми человек, в котором занимались сбором информации – выясняли, кто и где продавал, а также вели тайно наблюдения. Это было захватывающе и сложно, и Фрэнк получал от работы удовольствие... однако в глубине души он все еще хотел быть детективом по расследованию убийств в самом уважаемом отделе департамента шерифа.

В том же году создали новое подразделение по борьбе с наркотиками для решения проблем с наркотиками в Малибу и каньоне Топанга. Фрэнка спросили, не хотел бы он его возглавить. Он подумал, что смена обстановки может быть полезна, и стал со своими людьми сле-

дить за Малибу и Каньоном, подбирая информаторов. Чаще всего они арестовывали мелких дилеров, одним из которых был Чарльз Мэнсон.

По выходным и почти все свободное время Фрэнк брал сыновей на охоту и рыбалку, а в отпуске уезжал с ними в горы. Иногда брал Джейн и Терри, но в основном только сыновей.

Фрэнк очень рано научился не приносить работу домой. Дом был его убежищем, приносящим душевный покой, и тому, что он видел на работе, на улице, в доме Салерно не было места.

– Когда я въезжал на подъездную аллею и глушил двигатель машины, я выключал все это внутри себя. Я не хотел, чтобы мои дела когда-либо вошли в мою семейную жизнь, – говорил он позднее.

В 1971 году Салерно перевели в бюро департамента шерифа по делам о серьезных правонарушениях. Они производили аресты крупных наркодилеров и проводили большую работу под прикрытием, слежку и проникновение в банды. Все это его увлекало, и им регулярно удавалось перехватывать фунты и килограммы героина и кокаина – последний тогда постепенно становился популярным наркотиком. Если бы не новый капитан, с которым Салерно не поладил, он мог бы проработать в бюро по делам о серьезных правонарушениях до пенсии. Но он перешел в Службу собственной безопасности – отдел департамента шерифа, контролирующий его заместителей и детективов – и проработал там полтора года.

Такая работа ему не слишком понравилась, и он попросил перевести его в убойный отдел. Он хотел разыскивать убийц – преступников, которых считал самой большой угрозой для общества. Отдел по расследованию всегда искал ярких звезд, а Салерно, вне всякого сомнения, был таковым. Как раз открылась вакансия – сержант Фил Брукс из третьего подразделения получил повышение – и на его место пришел Фрэнк Салерно.

Тридцать семь убийств спустя, на следующий день после Хэллоуина 1977 года, Салерно досталось убийство женщины по имени Джуди Миллер. Ее обнаженное тело нашли на холме в Ла-Кресента, и она оказалась второй жертвой в деле Хиллсайдских душителей. Так началась одна из крупнейших в истории Калифорнии полицейских операций, которую возглавил Фрэнк Салерно.

Когда Каррильо рассказал Фрэнку об убийствах Вероники Ю и Дейл Окадзак и о попытке похищения в Монтебелло, Фрэнк внимательно его выслушал. Он уделил Каррильо такое пристальное внимание, что заставил его почувствовать себя единственным человеком в комнате, несмотря на пятьдесят усердных детективов вокруг. Салерно предложил Каррильо обратиться к отчетам о преступлениях, сказав, что если мужчина, лишивший жизни Окадзак и Ю действительно серийный убийца и насильник, он вполне мог совершить и другие преступления, которые тем не менее никто еще с ним не связал. Также он предложил Каррильо приглядеться к недавно освобожденным из-под стражи сексуальным преступникам.

– Человек, – сказал Салерно, – не становится убийцей в одночасье.

Каррильо начал внимательно изучать полицейские отчеты, ища подозреваемого, который был бы одет в черное, слушал хэви-метал, имел револьвер 22-го калибра, был сексуальным извращенцем и любил убивать людей.

Читая отчеты, Каррильо пытался понять, почему мужчина в черном оставил Марию Эрнандес в живых – ему казалось, что это вполне могло стать ключом к раскрытию дела. При плохом освещении Марию можно легко спутать с азиаткой. Возможно, подумал он, убийца – озлобленный психопат-ветеран Вьетнамской войны, и поначалу принял Марию за азиатку, а когда понял, что ошибся, желание ее убивать ослабло.

Чем дольше Каррильо размышлял, тем меньше сомневался, что это – новый монстр, блуждающий по Лос-Анджелесу: хитрый, смертельно опасный индивид, страдающий атавистической извращенной сексуальностью, несущей его, как потерявший управление локомотив.

До конца марта все было тихо, пока Каррильо не прочел телетайпный отчет о мужчине в черном, следившим за двумя молодыми женщинами и пытавшимся затащить одну из них к себе в машину – темный BMW. Девушки записали номер, и выяснилось, что автомобиль принадлежал некоему Полу Сэмюэлсу. Каррильо проверил, есть ли у него приводы в полицию – их не оказалось. Тем не менее Сэмюэлс был ветераном, высоким и худым, с черными волосами. Гил запросил и разрешение на наружное наблюдение за Сэмюэлсом – руководил им сержант Ларри Брейкбуш.

В пятницу, 28 марта, группа наружного наблюдения из департамента шерифа Лос-Анджелеса начала слежку за BMW Пола Сэмюэлса, быстрой машиной, за которой детективам было трудно угнаться. В ту ночь Каррильо не работал, но он не хотел пропустить операцию наружного наблюдения, поэтому на своем восьмиметровом передвижном доме-фургоне «Риквуд» он поехал в участок. Вместе с двумя другими детективами, Майком Бамкротом и Джимми Мерсером, он слушал переговоры группы наружного наблюдения по радио и понял, что группа наблюдения теряет Сэмюэлса.

Вплоть до конца слежки Сэмюэлс вел себя странно – сдавал назад на улицах с односторонним движением, приставал к явно несовершеннолетним девочкам. С точки зрения Гила, он демонстрировал явные признаки сексуального хищника.

На следующий вечер офис шерифа снова вел наружное наблюдение за Сэмюэлсом. Тот поехал в центр города и зашел в несколько секс-шопов. Теперь, они почти не сомневались, что убийца – Сэмюэлс. Они пытались сфотографировать его, чтобы показать фото Марии Эрнандес, но Сэмюэлс ехал слишком быстро, а стекла машины были тонированы.

Группа наружного наблюдения заметила, что он заговорил с проститутками, и ей, наконец, удалось его сфотографировать. Фото немедленно показали Марии Эрнандес, и та предвзрительно опознала нападавшего.

В среду утром люди департамента шерифа арестовали Пола Сэмюэлса и обыскала его дом, нашли большую коллекцию порнографии и револьвер, но 38-го, а не 22-го калибра. Провели процедуру опознания, но ни Мария Эрнандес, ни Хорхе Гальегос, ни Эдит Аль-Кааз, ни Джозеф Дуэнас, ни трое молодых людей, похищенных и изнасилованных мужчиной в черном, Сэмюэлса не опознали, и тот был быстро отпущен.

– Он урод, – сказал позже Гил. – Просто он не наш урод.

Сэмюэлс – это единственный подходящий подозреваемый, который у них был.

Гил не сомневался, что убийца нанесет еще один удар, причем очень скоро, но в этот момент следователю оставалось только ждать, пока он нанесет удар, и надеяться на его ошибку.

В ту пору ни Каррильо, ни Салерно еще не знали, что убийства Окадзаки/Ю были лишь началом серии преступлений, не имеющей равных в криминальной истории.

Глава 5

После убийств Дэйл Окадзаки и Вероники Ю он много думал о том, кто он такой и что ему делать, и решил целиком отдаться доминированию над людьми. Убивать. Акт убийства для него стал высшим наслаждением, для него в этом теперь была его жизнь. Он верил, что чем более отвратительными и жестокими будут его нападения, тем больше будет рад Сатана и дарует ему свои пламенные благословения.

У него были планы украсть достаточно денег, купить домик в тихом месте и устроить в подвале комнату для пыток, где он сможет утолить свою жажду садистского секса и убийства в полной уединенности. Он также мечтал снимать свои победы на пленку и, возможно, даже продавать фильмы, зная, что такое пользуется спросом.

Восемь дней спустя после убийств Окадзаки и Ю, 26 марта, он вновь отправился на охоту, выехав на шоссе Сан-Гэбриэл-Ривер на другой угнанной «Тойоте». Ехал он, как всегда, наугад; жажда убийства обжигала его нутро как тропическая лихорадка.

Внезапно он вспомнил ограбленный им годом ранее дом в Уиттиере, – тамошние обитатели казались таким богатыми – и повернул обратно. Уиттиер был богатым городком представителей высшего класса с населением 70 тысяч, основанным в 1881 году квакерами, и известным как центр выращивания цитрусовых, авокадо и грецких орехов. Он был назван в честь квакерского поэта Джона Гринлифа Уиттиера, в нем же родился Ричард Никсон.

В два часа ночи убийца выключил фары, двигатель и бесшумно остановился перед домом Винсента и Максина Заззара на Стронг-авеню. Ночь была темной и облачной. Серп луны едва светил на небе.

Машин, за исключением его угнанной «Тойоты», на улице не стояло. Тишину прерывал разве что шелест листьев и стрекот случайного сверчка. Он медленно вышел из машины и чутко, подобно крадущемуся коту, огляделся. Беззвучно закрыл дверь.

Резиденция Заззара представляла собой одноэтажное кирпичное строение на участке в пол-акра⁵. Перед домом белый забор в стиле ранчо, а по обе стороны от дома росли апельсиновые, лимонные и грейпфрутовые деревья. Два больших эркера выходили на Стронг-авеню. В левом окне горел свет.

Убийца, чье сердце билось, как у бегуна, с выступившим на лбу потом, подошел к освещенному окну и увидел Винсента Заззара, спящего на клетчатой кушетке. Работал телевизор. Перед диваном стоял круглый стол из черного стекла, на нем – растение с ярко-красными цветками. Мистер Заззара явно задремал при просмотре телевизора. Винсент Заззара, веселый и общительный бухгалтер на пенсии, ныне был владельцем двух пиццерий.

Убийца пошел на задний двор, стараясь ни на что не наткнуться. На полпути заглянул во второе окно и увидел, что в постели крепко спит 44-летняя Максина. При виде женщины он сексуально возбудился. Он пошел дальше и попытался снять сетки, но не смог – все окна были закрыты и заперты.

Он прошел дальше во двор, повернулся и внимательно осмотрел задний фасад дома, увидел небольшое окно в юго-восточном углу, расположенное выше остальных. Он подошел к нему, но оно было слишком высоко, чтобы дотянуться и снять сетку, а под рукой у него ничего не было. Он вернулся во двор, ища, на что встать. Заметив пустую пластмассовую канистру, поставил ее под окно, взобрался на нее, протянул руку и снял сетку. Затем он распахнул окно, подтянулся и попал в небольшую комнату со стиральной машиной и сушилкой. Он нагнулся, развязал шнурки и снял обувь. В носках он пошел по направлению к ничего не подозревавшему, крепко спящему Винсенту Заззаре, доставая из-за пояса револьвер 22-го калибра.

---

⁵ Один акр – 4 тысячи кв. м.

Добравшись до передней части дома, он поднял револьвер и, держа его в боевом положении, устремился в комнату спящего Заззара. Он тщательно прицелился и выстрелил ему в левую часть головы, чуть выше уха. В состоянии шока, истекающий кровью, Заззара попытался встать и схватить злоумышленника за ствол револьвера, но пуля малого калибра зигзагом прошла сквозь мозг, порвав сонную артерию, и он утратил способность двигаться. Его умирающее сердце продолжало биться, из раны струей хлынула кровь, забрызгав стену в метре от него.

При звуке выстрела Максин Заззара, вздрогнув, проснулась, и, когда убийца ворвался в комнату и направил на нее ствол, ее глаза были широко открыты. Она закричала. Он ударил ее и произнес:

– Заткнись, сука! И не смотри на меня! Где деньги? Где украшения?

Максин потребовала, чтобы он ушел.

Он избил ее, повторяя: «Не смотри на меня», заставил лечь на живот и связал руки галстуком, взятым из соседнего шкафа. Он заткнул ей рот, отключил телефоны, и принялся лихорадочно обыскивать спальню – открывать шкафы и ящики в поисках ценностей – бриллиантов, золота, наличных.

Максин Заззара знала, что под кроватью лежит дробовик, муж купил его в прошлом году после ограбления, и говорил, что если грабитель вернется, Винсент разнесет его на куски.

Она была женщиной с сильной волей, адвокатом, и не робкого десятка. Для самообороны она носила в сумочке автоматический пистолет 45-го калибра. По хриплому дыханию мужа она поняла, что он умирает, и знала, что ее ждет то же самое, когда убийца закончит поиски ценностей. Максин не собиралась сдаваться. До 45-го калибра ей было не достать, но не до ружья под кроватью. Она изо всех сил пыталась развязать связывающие запястья узлы. Убийца занимался обыском, складывая все приглянувшееся в наволочку. Так стремившийся добраться до женщины, он настолько увлекся поисками, что не увидел, как Максин освободила руки, быстро скатилась с кровати и потянулась за тяжелым вороненым дробовиком.

Максин Заззара была женщиной религиозной. Она бесплатно вела бухгалтерию в баптистской церкви Тринити в Дауни и пела в церковном хоре. Однако у нее не возникло тени сомнения в своей правоте. Она вынула дробовик, встала и направила его на обливавшегося потом мужчину в черном, разбрасывавшего их пожитки. Он стоял к ней спиной. Он услышал шум, обернулся и увидел, что она наставила на него крупнокалиберный дробовик.

Он уклонился влево и потянулся к револьверу в штанах.

Она нажала на курок, раздался лишь металлический щелчок. Дробовик был не заряжен. У него от лица отхлынула кровь. Его охватила ярость. Максин не знала, что Винсент вынул патроны из дробовика, потому что в выходные к ним приходили внуки.

– Сука! Дрянь! – сказал он, поднял пистолет 22-го калибра, выстрелил в нее три раза, и она упала.

Он бил ее, пинал, хлестал, в ярости от того, что она выразила неповиновение – хотела его убить. Он метнулся на кухню, нашел острый десятидюймовый разделочный нож, уложил ее тело на кровать, задрал пурпурную ночную рубашку и попытался вырезать ей сердце. Но не пробился сквозь грудную клетку и оставил разрезы в виде зияющего перевернутого креста, над и под левой грудью.

Он остановил выбор на ее глазах, так он хотел заполучить частичку ее души. Быстро, но осторожно, он отрезал ей веки, вынул оба глаза и, смеясь, положил их в найденную тут же маленькую шкатулку для драгоценностей.

Потом он ударил ее ножом в живот, в горло и лобок.

Он хотел войти в нее, но был так шокирован тем, что она целилась в него из дробовика и нажала на курок, что он не смог. Он собрал все ценное, что нашел – видеомаягнитофон, видеокамеру, украшения, часы и кольца, и поспешно сложил в наволочку. Он нашел пистолет

Максин 45-го калибра и еще один дробовик – последний он взял, а пистолет оставил на кровати рядом с Максин.

В доме был потайной сейф, но он его не нашел. Не обнаружил он и коллекции дорогих монет в коробках в гостиной рядом с семейным пианино. В коробках с монетами лежал спортивно-целевой пистолет 22-го калибра.

С залитыми кровью Максин Заззара штанами он вышел через парадную дверь, подошел к машине и сел. Дробовик он зажал между ног, шкатулку с глазами поставил на пассажирское сиденье и поехал к повороту, спеша попасть на шоссе, что всего в двух кварталах.

Он очень злился на себя за то, что позволил ей наброситься на него, и поклялся, что подобного больше никогда не допустит.

Вдруг сзади появилась полицейская машина.

Еще раньше он наклеил на задний бампер стикер с надписью «Люби Америку или уматывай из нее!», зная, что большинство полицейских – патриоты и с меньшей вероятностью остановят водителя, столь открыто заявляющего о любви к стране. Обычно это помогало. Помогло и в тот вечер: не остановленный, он доехал до шоссе и выехал на него.

Сначала он приехал в свой отель, в номере смыл кровь и переоделся. Потом направился к дому своего главного скупщика. Встретились они год назад на автовокзале, и с тех пор он приносил ему плоды своих трудов в обмен на наличные, как правило, вручаемые на месте, без каких-либо вопросов. Скупщик не знал его настоящего имени, он не знал настоящего имени скупщика. Таковы законы улицы. Скупщик был всегда рядом и встречал его кривой ухмылкой и наличными. Это был невысокий коренастый мужчина с жестким лицом боксера. Он тусовался в парке Макартура и в бильярдных в центре города. Убийца продал ему украшения и оружие Заззары, положил деньги в карман и поехал по центру Лос-Анджелеса в поисках проститутки, все еще сексуально возбужденный насилием.

Проститутку он нашел на 6-й улице, недалеко от Бродвея. Они сговорились о цене за оральный секс, и она села в машину. Он припарковался на тихой улице, но не мог добиться эрекции. Он попросил поиграть с ее стопами – это был его фетиш. Нехотя и без энтузиазма она ему разрешила. Он заплатил ей и высадил там, где подобрал.

Он поехал в Голливуд, там бросил машину, сел в автобус до центра Лос-Анджелеса, и до шести утра гулял по его улицам. Потом вернулся в кишачий крысами отель «Сесил» на Мэйн, зашел в свой номер, смотрел на глаза Максин Заззары и смеялся.

В 8:45 вечера 31-летний Бруно Франсиско Поло въехал на подъездную дорожку дома Заззары. Машины Максин и Винсента Заззары стояли в гараже, и Поло заметил, что в комнате с телевизором горит свет. У него был обычай завозить выручку пиццерии в Уиттиере, которой он руководил на протяжении последнего года. До этого он работал в магазине Винсента в Дауни. Он был другом семьи Заззара и в том году был у них на обедах в честь Дня благодарения и Рождества.

Поло открыл пиццерию в Уиттиере в 11 часов утра и закрыл в восемь часов вечера. Обычно он ехал домой мимо дома Заззары. Деньги у него были в сложенном коричневом бумажном пакете, на котором карандашом была написана сумма и дата. Он заметил, что входная дверь приоткрыта, а дверь с сеткой не заперта, что было необычно. Он позвонил в колокольчик, ответа не последовало. Он позвал Винсента по имени, ответа опять не было. В некотором смнении он положил деньги в почтовый ящик на входной двери и ушел.

На следующее утро Поло вернулся к дому Заззары. Из-за полуоткрытой двери и из-за того, что накануне вечером Винсент не ответил на его стук, звонок и последующие телефонные звонки, у него возникло плохое предчувствие. Когда Поло увидел, что входная дверь все еще приоткрыта, мурашки забегали по его спине. Он позвонил в колокольчик, постучал и позвал Винсента по имени – безрезультатно. Он понял, что что-то не так, и вернулся к своему пикапу.

Один он заходить в дом не хотел. Поло подумал позвонить сыну Винсента, Питеру, но не знал, что ему сказать. Вместо этого он быстро поехал в пиццерию в Дауни, что в двадцати минутах езды, и сказал Аль Персико, что дверь Заззары открыта, а Винсент не отвечает.

Персико сказал Поло, что подъедет вслед за ним к дому Заззары. Когда по пути Персико остановился на красный свет, и Поло приехал первым, припарковался, вышел из пикапа, снова подошел к входной двери и позвонил. Ответа не было. Осмелев от осознания того, что скоро приедет Аль, он открыл сетчатую дверь, медленно и нерешительно вошел в дом и двинулся влево, в сторону комнаты с телевизором.

– Винсент... Винсент, ты здесь? Винсент? – крикнул он.

Войдя в комнату, он первым делом увидел босые ноги Винсента на подлокотнике дивана, они казались странного цвета, белыми и восковыми. Когда он увидел засохшую кровь вокруг уха Винсента, он подумал, что Винсент в наушниках, поэтому не отвечал на его звонки и стук в дверь. Он подошел ближе и вдруг понял, что он видит кровь и что Винсент мертв.

Бруно повернулся и побежал, лицо его побледнело. Внезапно мир перевернулся. Он сел в свою машину и бросился уезжать, проехал двадцать метров, но понял, что ехать ему некуда. Он был в шоке. Он сдал назад, вылез из пикапа и в панике принялся расхаживать взад и вперед. Подъехал Аль, и Бруно побежал к нему и рассказал, что он обнаружил. Аль ему не поверил и сказал, что он, должно быть, ошибся.

– Иди, посмотри и убедись! – сказал Бруно.

Аль вошел в дом, направился прямо в комнату с телевизором и сразу понял, что Винсент мертв. Пройдя в спальню, он взглянул на Максин и поспешно вышел на улицу к расстроенному Бруно Поло. Бруно сказал, что звонит сыну Винсента, Питеру. Но в дом Заззары он возвращаться не хотел, он торопливо перешел улицу, зашел к соседям и спросил, можно ли ему позвонить, поскольку тут произошла ужасная, ужасная трагедия. Бруно связался с Питером Заззарой и вкратце рассказал о случившемся. Питер сказал, что позвонит в полицию и приедет.

Первым на пожарной машине прибыл капитан пожарной команды Карл Аллен, следом шла «Скорая». Почему приехала пожарная машина, не пояснили, но и она приехала тоже. Аль в общих чертах обрисовал, что увидел, и капитан Аллен с двумя своими людьми вошел в дом, взглянул на Винсента Заззару, тотчас вышел и вызвал полицию.

Первым прибывшим полицейским был заместитель шерифа Лос-Анджелеса Пол Аршамбо. Он вошел в дом, увидел Винсента, Максин, сразу вернулся к патрульному автомобилю и сообщил об убийствах. Потом желтой лентой оградил переднюю часть дома. Стали собираться соседи. Приехали заместители шерифа, Питер Заззара, его гражданская жена и маленькая дочь. Бруно и заместитель шерифа Аршамбо рассказали об увиденном. Питер захотел войти в дом, но теперь он стал местом преступления, и внутрь, кроме сотрудников отдела убийств, никого не пускали.

Детективы убойного отдела Расс Улот и Дж. Д. Смит из Четвертого подразделения, приняли вызов и приехали в 12 часов дня. Рассу было под пятьдесят, щеголеватый, высокий и стройный, со светлыми волосами. Смит был ростом 172 сантиметра, среднего телосложения, со светлыми волосами и веснушчатый. Они вошли внутрь вместе с начальником Аршамбо, быстро взглянули на тела, их раны и оценили, что кто-то перевернул весь дом. Детективы вышли на улицу, и Джей Ди Смит по автомобильной рации вызвал криминалистов из отдела шерифа. Повсюду были улики, которые требовалась собрать.

Они обошли вокруг дома, сразу заметив во внутреннем дворике оконную сетку и пустую канистру с четким следом обуви убийцы. Аккуратно ступая, они подошли ближе и увидели дюжину следов обуви на клумбе, прямо под окном, через которое преступник проник в дом. Фактически следы были двух видов: одни принадлежали Винсенту Заззара, а другие – убийце. Заметили они и два следа взлома на оконной раме и окне. Обойдя дом по периметру, жадно

оглядывая его, они обнаружили еще больше следов обуви у восточной стены, откуда убийца впервые увидел Максин.

Приехали Генри Ляпорт и Джон Гаррисион из криминальной лаборатории шерифа и под руководством детектива Улота сфотографировали находки. Криминалист Стив Рентерия сделал гипсовые слепки обоих видов следов обуви под окном проникновения.

Приехал Сэм Лорка из судмедэкспертизы, внимательно осмотрел раны, нанесенные Винсенту и Максину, и подтвердил предположения Улота и Смита. Глаза Максина были вырезаны. Это заставило Улота и Смита призадуматься. Такое – случай редкий, и они спрашивали себя, что это значит. В почтовом ящике вместе с большим количеством писем они нашли оставленные Бруно пакеты с наличными, датированные 27, 28 и 29 марта. Они передали пакеты убитому горем Питеру Заззаре.

В тот день никто не связал убийства Заззара с другими нападениями убийцы. Для этого не было оснований. Между ними еще не нашли ничего общего. Убийство Винкоу расследовал департамент полиции Лос-Анджелеса, и произошло оно более пятнадцати месяцев назад. Дженни Винкоу стала просто еще одной жертвой в статистике, дело было официально открыто, но не двигалось с места.

Улот и Смит оставались в доме Заззары до двух часов ночи. Они опросили друзей и членов семьи Заззара и понятия не имели, кто совершил злодейское двойное убийство. Тем не менее они установили, что убийца носил кроссовки «Авиа» 44,5 размера и у него при себе были карие человеческие глаза.

Они узнали, что Винсент Заззара сидел в тюрьме, но не имел никаких связей или деловых отношений с организованной преступностью, о чем и Рассу Улоту, и Полу Аршамбо сообщил Питер Заззара.

Детективы знали, что убийца судорожно обыскивал дом. В доме был сейф с кучей денег, и убийца, предположили они, мог о сейфе знать. Но тогда это было бы делом рук своих. О сейфе знали Персико, Бруно и семья Заззары, и на тот момент детективы никого не исключали.

Вырезанные глаза добавляли преступлению зловещий оттенок. «Почему, – спрашивали они друг друга, – убийца вырезал глаза? Что, черт возьми, все это значит?»

Ранним утром следующего дня после очень непродолжительного сна Улот и Смит пришли на вскрытие трупов Заззара, которое проводил доктор Теренс Аллен. Сначала он извлек пулю из головы Винсента. Она, как и пули, изъятые из тел Дейл Окадзаки и Вероники Ю, была 22-го калибра. Доктор Аллен сказал, что Винсент Заззара был убит этим выстрелом.

Сначала он заметил у Максина всего два огнестрельных ранения, однако при вскрытии обнаружил, что в шее застряла третья пуля. По его словам, она умерла от пулевых ранений, а потом ей нанесли колотые раны. Каждый порез на ее сердце был размером четыре на четыре дюйма. У нее было еще восемь ножевых ранений в грудь и два в лобковой области, а также несколько ножевых ранений на горле.

В это время в офисе отдела убийств в здании полицейского управления на Вест-Темпл, Фрэнк Салерно молча прочитал записку Улота и Смита. Начиная расследование каждого убийства, ведущие дело детективы заполняют простую форму, где обрисовываются основные компоненты и элементы убийства. Теоретически это служебная записка шерифу, но ее должен прочитать каждый полицейский, чтобы можно было быстро выявить характер преступлений. Салерно пошел прямо к Каррильо и сообщил ему, что в Уиттиере совершено двойное убийство с применением револьвера 22-го калибра. Затем Каррильо поговорил с Улотом и Смитом и подробно их расспросил, и чем больше узнавал, тем больше приходил к мысли, что это – его убийца. Узнав, что у миссис Заззары задрана ночная рубашка – «свидетельство покушения на половое преступление» – и вырезаны глаза, он еще сильнее удостоверился, что это был мужчина в черном. Однако Улот и Смит выказали несогласие с теорией Каррильо.

Каррильо обратился к извлеченным из тела Заззары пулям. Они оказались слишком сильно повреждены, чтобы их можно было сравнивать с теми, что обнаружили в телах Дэйл Окадзаки и Вероники Ю.

– Невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, – сказали Каррильо баллистики.

Он снова пришел к Салерно и сказал о своей уверенности в том, что все три нападения совершил один человек. Салерно ответил, что это вполне возможно, но им придется подождать и посмотреть – в надежде, что он совершит ошибку, которая приведет их к нему. Салерно спросил Каррильо, есть ли новости о номерном знаке в Монтерей-Парке, несколько цифр которого запомнил Хорхе Гальегос. Каррильо сказал ему, что пару раз звонил в Монтерей-Парк, и ему сказали, что они «над этим работают».

– Это могло бы раскрыть дело, – отметил Салерно.

Ни один из них не знал, что машина, в которой ехал убийца в ночь убийств Окадзаки/Ю, уже обнаружена полицией Монтерей-Парка и возвращена всего два дня спустя после нападения. Однако в Монтерей-Парке ее не связали с той, что была использована при убийстве Ю. Автомобиль отбуксировали в полицейский гараж и вернули законному владельцу.

Отпечатки пальцев с машины никогда не снимали.

Улот рассказал Каррильо о встрече детективов из Монтебелло, Монтерей-Парка и Пико Риверы относительно трех похищений детей с целью сексуального насилия. Предполагалось, что преступления совершил один и тот же подозреваемый, поскольку описания совпадали, а две жертвы упоминали об исходившем от нападавшего неприятном запахе. По словам Улота, детективы сравнили отпечаток следа обуви, найденный в саду Заззара, с отпечатком, обнаруженным на мокром цементе рядом с местом покушения на похищение девочки из Лос-Анджелеса.

Когда Каррильо об этом услышал, в голове у него зазвенели колокольчики. Он пошел на встречу с Улотом и Смитом и выслушал, как детективы из каждого отдела правоохранительных органов рассказали о своих материалах: всюду речь шла о содомии и наручниках, после нападения все потерпевшие дети были брошены – один ребенок – на автобусной остановке, другой – в парке, третий сбежал. Когда Каррильо выслушал совпадающие описания, он уже все знал.

– У меня возникло то же тяжелое предчувствие. Я не сомневался, что все это дело рук одного и того же парня. Я просто это знал, – рассказывал он позже.

Когда все детективы закончили, Каррильо встал и сказал им, что у него есть теория и изложил ее: «Это все один подозреваемый».

Никто из присутствовавших восьми детективов не согласился, и над Каррильо посмеялись. Он был самым молодым и прослужил в Третьем подразделении меньше года. Он улыбался и смеялся вместе с насмехавшимися над ним коллегами, но в глубине души знал, что прав.

– Говорю вам, это один и тот же урод! – смеясь, произнес он.

– Это просто в голове не укладывается, – ответили ему. – Один подозреваемый не мог совершить всех этих преступлений...

– Ерунда. Все совершил этот парень, – сказал Каррильо. И они еще немного посмеялись.

Вернувшись в офис отдела по расследованию убийств департамента шерифа, Каррильо пошел прямо к Салерно и рассказал ему, что узнал на встрече и что, по его мнению, за всеми преступлениями: похищениями и сексуальными посягательствами на несовершеннолетних, убийствами супругов Заззара, Ю и Окадзаки и стрельбой в Марию Эрнандес стоит один человек.

Салерно смерил Каррильо долгим пристальным взглядом и сказал: «Возможно», – но глаза его говорили: «Вряд ли». Они пошли к капитану Бобу Гримму. Гримм был крупным мужчиной с густыми черными волосами и темными кругами под глазами. Он отлично разбирался в людях и знал, как добиться максимальной отдачи от находившихся в его подчинении

пяти подразделений детективов по расследованию убийств. Все они работали в одном длинном узком офисе, набитом захламленными столами и звонящими телефонами.

Выслушав гипотезу Каррильо, с которой согласился Салерно, капитан предложил сформировать небольшую неофициальную рабочую группу для отслеживания и раскрытия этих убийств, похищений и сексуальных посягательств. Руководителем он назначил Салерно. Салерно идеально подходил для этой работы, Гримм знал, что он многому научился, ведя дело Хиллсайдских душителей.

Салерно выбрал Дж. Д. Смита, Расса Улота, Гила Каррильо, Джима Мерсера, Бобби Гана и Джона Ярбро, и все они принялись читать телетайпы с сообщениями о преступлениях со всего огромного округа Лос-Анджелес, ища сходства в способе совершения преступления.

В конце марта Гил Каррильо встретился с Марией Эрнандес в кондоминиуме в Розмиде. На правой руке у нее все еще была большая повязка. Врачи оптимистично обещали, что со временем, после терапии, рука будет как новенькая.

Гил и Мария вошли в гараж, она рассказывала ему, как все произошло. Он слушал очень внимательно. Мария показала, как вышла из машины, подошла к двери, открыла два замка и нажала кнопку, чтобы закрыть ворота гаража. Каррильо подсчитал, сколько времени надо для закрытия гаража после нажатия кнопки – восемь секунд.

По его предположению, это означало, что убийца должен был подстергать ее или вошел в кондоминиум прямо за ней. Мария отвела его к переднему фасаду дома и показала, где она стояла, когда убийца вышел через парадную дверь.

– Что именно ты сказала? – спросил он.

– Когда он меня увидел, направил на меня револьвер, держа его двумя руками. Я сказала что-то вроде: «Нет, пожалуйста, не стреляйте в меня снова!» Он опустил револьвер и побежал к машине. Я больше его не видела, но слышала, как завелся мотор и машина уехала.

Они вошли в дом, и Мария точно описала все свои действия. Гил надеялся, что он что-то упустил или не заметил, но, поразмыслив о том, что рассказала и показала ему Мария, он был озадачен еще сильнее.

Он спросил ее, не следил ли кто-нибудь за ней или за Дейл. Она сказала, что была уверена, что за ней никто не следил – она родилась не вчера и не была наивной: она знала, что в современном обществе женщина должна быть начеку, и не сомневалась, что в тот вечер за ней никто не следил. Она не сомневалась, что Дейл рассказал бы ей о любых незнакомцах. Дейл посещала курсы самообороны и четко все осознавала.

Каррильо отвез ее домой, поблагодарил за помощь, пообещав сделать все возможное, и поехал обратно в полицейское управление к своему столу в тесной выгородке. За рулем он прокручивал встречу в голове.

Почему, спрашивал он себя, он оставил ее в живых, если сначала так хотел ее убить?

Это лишено всякого смысла.

Глава 6

14 апреля, спустя две недели и четыре дня после убийства Винсента и Максина Заззара, убийца проснулся поздно днем, не спеша вышел из отеля «Сесил», повернул налево, позавтракал в кафе «Маргарита» на 7-й стрит, а потом подошел к бильярдной «Йе Хай». У него все еще оставались деньги от ограбления Заззара, и он любил играть в азартные игры. Но в тот день он не смог найти партнера и вышел из бильярдной, закурил косяк и пошел к кинотеатру «Камео» на Бродвее, где двадцать четыре часа в сутки крутили порнофильмы.

Убийца сидел в затхлой, пропитанной спермой темноте и наблюдал, как на экране толкают, щупают, возбуждают, лизут и сосут огромные гениталии.

Иногда в порнофильмах он видел женщину с пентаграммой на теле, и это его волновало. Именно такая женщина – приверженка Сатаны, того, что был самым Злом, – интересовала и возбуждала его. Она будет той, кому он сможет доверять, она будет той, кто поймет его желания и не подумает, что он ненормальный, странный или чудной.

Когда он был мальчиком, он прочитал историю Джека-Потрошителя, и она одновременно его очаровала и сильно на него повлияла. Туман, Джек-Потрошитель весь в черном, порезы и выпотрошенные внутренности – все это заводило его, наталкивало на мысли об убийствах ради сексуального удовлетворения и удовольствия, позднее ставших его судьбой.

«Это не похоже ни на что; силу этого ощущения словами описать было невозможно. Нет ничего более сексуально возбуждающего, чем власть над человеческой жизнью, это высшее наслаждение, которое переживают очень немногие». Ему нравились фильмы, где присутствовало экстремальное насилие – прежде всего сексуального, оккультного характера. Особенно его вдохновляли и увлекали «Кошмар на улице Вязов», «Пятница, 13-е», «Изгоняющий дьявола» и «Дракула», а самый любимый его фильм – «Техасская резня бензопилой». *«Он определил свое время, в нем показано то, что действительно есть в человеческой натуре, хоть никто этого честно и не признает»*, – говорил позднее он.

Его любимой книгой был роман Трумэна Капоте «Хладнокровное убийство», где рассказано, как два бывших бродяги Перри Смит и Ричард Хикок убили из дробовика семью Клаттеров в Холкомбе в штате Канзас.

Выйдя из «Камео», он вернулся в бильярдный зал и погонял шары. Играя, он слушал в наушниках альбом AC/DC «Дорога в ад», и тогда решил довести все до крайности. Он тайно и тщательно спланирует серию убийств, которая заставит весь мир замереть и обратить на него внимание. Он прославится больше Джека-Потрошителя, прославится больше любого убийцы в истории. Было время, когда он испытывал угрызения совести – не решался на убийство, но все это было давно: *«У психопатов нет этики, нет угрызений совести и нет совести. Внутри что-то исчезло. Они просто не способны на эти эмоции. Вот почему для настоящего психопата убить так легко. Обществу трудно это понять».*

Он вышел из бильярдного зала и угнал машину, стоявшую перед отелем «Александрия». У него был сканер, который он купил в магазине радиотоваров, он позволит ему слушать переговоры полицейских. Он выехал на автостраду и начал охоту, слушая громкий хэви-метал.

Его любимой песней была «Ночной бродяга» AC/DC: в ней говорилось о злоумышленнике, пробирающемся в чью-то комнату и утробу. Ему казалось, что они написали песню для него одного, сам Сатана вдохновил группу создать ему гимн.

Курсируя по разным районам, кварталам, проспектам, улицам – неизменно рядом с шоссе для быстрого побега, – он через сканер слушал движения полиции. Он опять съехал с автострады в Монтерей-Парке. Машин было немного. Почти все спали глубоким сном, он изучил характер человеческого сна и знал, что лучше всего врываться в дом рано утром, между двумя и четырьмя часами.

Вероника Ю была убита в Монтерей-Парке, и он знал, что полиция будет особенно бдительна, но он все же вернулся и проехал по тихим улицам города. Автомобилей у обочин не было, все либо стояли в гаражах, либо на подъездных аллеях.

Он выключил двигатель и фары, бесшумно остановился на Трамбауэр-авеню и сидел неподвижно, внимательно прислушиваясь к тишине ночи. Он наклонился и заправил штанины в носки, ему не хотелось за что-нибудь зацепиться.

В этот момент мимо прошла Лони Демпстер, доставлявшая в Монтерей-Парк газету «Геральд экзаменатор». Днем Лони работала охранницей в колледже Рио-Ондо в Уиттиере. Она была особенно бдительной, пройдя обучение в предоставившей ей работу охранной компании – «Калифорния плант протекшн». Лони увидела его сидящим в машине и подумала, что он подозрительный тип. Их взгляды встретились. Она дошла до угла и обернулась, радуясь, что он за ней не идет. «У него были очень страшные глаза», – скажет она позже.

Убийца тихонько открыл и закрыл дверь машины и пошел по Трумбауэр на юг, держась в тени. Он остановился перед домом 66-летнего Уильяма Дои и его 56-летней жены с инвалидностью, Лилиан.

Билл Дои недавно ушел на пенсию с должности менеджера по международному сбыту в компании «Санта-Фе трейл тракинг компани». Вчера он внес предоплату за новенький фургон «Форд», собираясь с женой на нем в путешествие по стране. Весной 1982 года у Билла случился инфаркт, но он поправлялся и с нетерпением ждал поездки. Два года назад у миссис Дои произошел тяжелый инсульт, ей еще было очень трудно говорить, и, хотя она не могла передвигаться без инвалидной коляски, она тоже с нетерпением ждала путешествия.

Билл родился в Салинасе, Калифорния. Японец по происхождению, во время Второй мировой войны он был помещен в лагерь для интернированных лиц в Аризоне. Когда его выпустили из лагеря, он вступил в боевую группу 44-го полка и отличился в боях. После службы поступил в Университет Нортгвэстерн, работал экспедитором, чтобы содержать жену и маленькую дочь Линду, и дорос до менеджера по международному сбыту. Он был членом «Клуба оптимистов Истсайда», очень общительным человеком с отличным чувством юмора. Он часто играл в гольф и был страстным болельщиком «Лейкерс». У Дои рос внук, и Билл души в нем не чаял, всегда беря его с собой на японские праздники, на пляж и на карнавалы.

Перед домом Дои росло одинокое лимонное дерево. Посередине фасада – входная дверь, слева – окна, а справа – гараж. Над гаражом висело баскетбольное кольцо. Где-то неподалеку переливающимся эфирным звоном пробили куранты, и звук мягко парил в неподвижном пропитанном лимонным запахом воздухе. Небосвод был низким и пасмурным, и вскоре пошел небольшой дождь. Убийца его любил – на улицу выходило меньше народу, а еще дождь хорошо приглушал звук выстрелов. От револьвера 22-го калибра он избавился, продав его скупщику за двадцать долларов. Он знал, что ствол засвечен, и сегодня у него было новое оружие: посеребренный автоматический пистолет 22-го калибра.

Он решил, что дом Дои – самое подходящее место, и пошел прямо на задний двор. Его шаги были быстры и четки, он держался в тени.

«Нужны годы, чтобы научиться воровать под покровом ночи. Это непросто, надо часто практиковаться. Вам необходим знающий наставник, вы должны быть бдительны и осознавать все сразу. И всегда надо быть осторожным, чтобы не шуметь. Надо научиться двигаться без шума».

На заднем дворе была пара запертых раздвижных стеклянных дверей. Он увидел вокруг окон провода сигнализации, но одно было открыто, его закрывала только сетка. Он разрезал и осторожно снял сетку, потянулся и сдвинул окно вверх. Забрался в ванную комнату и про себя произнес: *«Сатана, вот он я, твой покорный слуга, и то, что собираюсь совершить, я совершу ради тебя».*

Он пригнулся и выждал, чтобы убедиться, что его не слышат. Несколько секунд спустя он встал и прошелся по дому: в коридоре горел свет и все было хорошо видно. В первой спальне он нашел пожилую азиатку Лилиан Дои, спящую крепким сном. Возле ее кровати он увидел коляску и понял, что она инвалид. Перейдя в спальню Билла Дои, он поднял пистолет и вставил в него патрон. Холодный металлический щелчок мгновенно разбудил Билла – этот звук он прекрасно знал, – и он схватил заряженный 9-миллиметровый пистолет, который хранил в прикроватной тумбочке. Билл очень заботился о безопасности: несколько пистолетов хранились у него в стратегически важных местах по всему дому. Убийца вбежал в спальню, увидел, как Билл берет пистолет, прицелился и, держа 22-й калибр в боевой позиции, выстрелил Биллу чуть выше верхней губы.

Билл задохнулся, – пуля застряла сзади в горле, – и упал с кровати. Убийца попытался выстрелить еще раз, но пистолет заклинило. Выругавшись, он вернулся в коридор, разрядил пистолет, оставив патрон на полу, и вернулся прикончить Билла. Тот был серьезно ранен: пуля, беспорядочно двигаясь, повредила язык, гортань и мозг, и он не мог поднять «Вальтер» и нажать на курок. Он пытался умолять о пощаде, но не мог выговорить ни слова. Из его рта хлынула кровь.

От выстрела проснулась Лилиан. Она слышала стоны Билла, его бессвязные мольбы, но не могла пошевелиться. Лишь лежала с широко открытыми глазами, ощущая подступающий ужас и слушая, как убивают мужчину, которого она любила всю сознательную жизнь.

Мольбы Билла о пощаде остались без внимания, и убийца вернулся к нему. Кулаками в перчатках он избил Билла до потери сознания, и злобно пнул его, когда он вырубился. Взяв «Вальтер» Билла, он поспешил в спальню Лилиан, подошел к ее кровати, ударил ее и предупредил не кричать.

– Заткнись, сука, или я тебя убью, – сказал он.

Кричать, даже если захотела, она бы не смогла: после инсульта речь была затрудненной. Он сковал ее руки пальцевыми наручниками, а потом принялся обыскивать дом, забирая все найденные украшения и ценности, и разбрасывая повсюду вещи. Среди украденных им ценных вещей были часы «Омега Констеллейшн» Билла Дои, его масонский перстень, нефритовое кольцо, карманные часы отца Лилиан Дои и оба обручальных кольца супругов.

Билл очнулся и застонал от боли, из его носа и рта текла кровь. Убийца тотчас же подбежал к нему и снова избил до потери сознания.

Взвинченный стрельбой и избиением, убийца вернулся в комнату Лилиан и изнасиловал ее, при этом требуя не подымать на него глаз. Он был сексуально возбужден насилием, кровью, своей тотальной властью – и ее полнейшим шоком от того, что он действует настолько бесстрастно.

Закончив, он поцеловал ее, уложил собранное в две наволочки, отключил один из двух телефонов в доме и ушел, не снимая с Лилиан наручников.

Билл снова пришел в себя. Он понял, что человек в черном ушел, и на четвереньках, истекая кровью, пополз в комнату жены. При виде, что он оставил ее в наручниках, у него сжалось сердце, потому что он понял, что произошло. Из последних сил он подобрался к телефону, набрал 911 и едва слышным голосом сказал: «Помогите, пожалуйста, помогите мне». И снова потерял сознание.

Звонок получила оператор службы экстренной помощи Дарлин Боуз. Билл отключился прежде, чем она успела ответить. Но она знала, что у него могут быть проблемы, и отправила в Трамбауэр пожарных, полицию и «Скорую помощь». Служба спасения Лос-Анджелеса была модернизирована и при поступлении звонка автоматически отображала адрес.

Билл снова пришел в сознание. Он позвонил 911 во второй раз и много раз повторил: «Помогите мне». Дарлин Боуз успокаивала его, говоря, что помощь уже в пути. Плача, Лилиан изо всех сил пыталась встать и сняла наручник с правой руки, большой палец кровоточил.

В 5:04 капитан пожарной команды Норман Кейс и трое пожарных остановились перед домом Дои. Небосвод был низким и темно-серым, все еще шел дождь. Капитан Кейс вышел из пожарной машины, подошел к входной двери и заметил, что она широко открыта. Он позвонил в звонок и крикнул:

– Пожарная команда! Здесь пожарная команда, чтобы вам помочь!

Не получив ответа, он вошел в дом. Его люди остались на улице. Красные мигалки на пожарной машине продолжали работать.

Капитан Кейс увидел бессвязно лепетавшую невысокую женщину в синей ночной рубашке, с пальцевыми наручниками, свисавшими с левого большого пальца. Лилиан собрала все силы, встала и подошла к дверному проему, но дальше идти не могла. Она указала направо, и капитан Кейс впервые увидел Билла Дои. Он сидел в кресле возле телефона, весь в крови, без сознания, дыхание было прерывистое и поверхностное. Кейс понял, что Биллу нужна реанимация, поспешил на улицу, приказав своим людям принести оборудование, и побежал обратно к Биллу.

Убийца повсюду разбросал вещи, и Кейсу и его людям пришлось расчищать пол, прежде чем удалось уложить Билла.

Прибыл полицейский Майкл Гораевски из участка Монтерей-Парк, ничего не знающий, кроме того, что кому-то нужна помощь. Когда он вошел в дом и увидел, что Биллу делают искусственное дыхание, он подумал, что это, скорее всего, сердечный приступ. Его глаза скользили по коридору, он заметил Лилиан и увидел, что левая сторона ее лица опухла, а под глазом синяк. Потом заметил пальцевые наручники, свисающие с ее левого большого пальца, и понял, что это не сердечный приступ.

Когда он спросил ее, что случилось, она смогла только что-то бессвязно пробормотать. Гораевски осмотрел остальную часть дома. Он знал, что там могут быть еще жертвы – или подозреваемый. После поисков он вернулся к Лилиан. Подъехал полицейский Артур Брукс, Гораевски доложил обстановку и позвонил в центральную службу. Он вышел на улицу, достал из багажника машины желтую ленту и оцепил дом Дои.

Прибыл экипаж «Скорой», и Дои занялись медики, хотя пожарные продолжали оказывать помощь. Билл перестал дышать, но врачи «Скорой» реанимировали его электрическим разрядом. Затем осторожно уложили на носилки и перенесли в карету «Скорой помощи», которая помчалась в больницу Гарфилд в Монтерей-Парке. Один из пожарных остался в карете «Скорой». Остальные собрали снаряжение и уложили в машину, намереваясь забрать коллегу, пожарного Нордстрема, из больницы.

Лони Демпстер снова проехала мимо дома Дои, возвращаясь после доставки газет, увидела полицейские машины и «Скорую помощь» и задалась вопросом, имел ли парень, которого она видела в машине, отношение к тому, что произошло.

Гораевски снова попытался поговорить с Лилиан, но безуспешно. Позже, когда его спросили в суде о ее способности говорить, он сказал: «Я не получил от нее никакого ответа, кроме бормотания, и я не понял, что она пыталась мне сказать. Она поняла, что я с ней говорил, но я не понял ни слова».

Он придвинул стул, чтобы Лилиан могла сесть. Прибыл полицейский Билл Рейнольдс, ему доложили ситуацию, он опустился на колени, чтобы его глаза были на одном уровне с глазами Лилиан, и спокойно спросил ее, что случилось.

Лилиан впервые, путаными фразами, рассказала полицейскому о высоком человеке в черном с пистолетом и гнилыми зубами. Полицейскому Рейнольдсу удалось снять наручники с ее левого большого пальца. Они усадили ее в патрульную машину и отвезли в больницу Монтерей-Парка. Большой мегаполис Лос-Анджелес уже просыпался с рассветом нового дня.

Билла Дои привезли в больницу в 5:13 утра и немедленно доставили в отделение неотложной помощи, где его уже ждал кардиолог доктор Энтони Рид. В «Скорой» Билл пере-

стал подавать признаки жизни. При осмотре доктор Рид не обнаружил артериального давления, самостоятельного дыхания, сердечной деятельности или осцилляции колебаний сердца на электрокардиограмме. Реанимировать Дои ему не удалось.

В 5:29 утра он официально констатировал смерть Билла Дои. Потом он внимательно осмотрел раны Билла, понял, что в него стреляли и распорядился сделать рентгеновский снимок, чтобы определить, куда попала пуля.

В 6:20 приехал Пол Торрес, детектив по расследованию ограблений и убийств полиции Монтерей-Парка, принявший дело Дои. лейтенант Джеймс Берк доложил ему обстановку. В Монтерей-Парке происходило не так много убийств, и детективам местной полиции редко приходилось вставать с постели и ехать на место убийства. Торрес вернулся на улицу и начал искать улики. Перед домом Дои, на островке грязи между улицей и тротуаром, он нашел следы кроссовок «Авиа» и армейских ботинок. Торрес подозвал полицейского Хирона и попросил показать подошву ботинка. Ее узор совпадал с армейским ботинком. Он приказал Хирону оцепить островок грязи для криминалистов.

Детектив Торрес прошел на задний двор дома и заметил след «Авиа» под окном спальни Лилиан Дои и окном главной ванной. Во дворе он обнаружил еще несколько следов «Авиа» на заднем дворе и на лежащей на земле оконной сетке. Он увидел широко открытое окно и предположил, что убийца проник в дом через него. Приехали криминалисты Джо Снайдер и Линда Артур. Торрес указал Снайдеру следы кроссовок и попросил сделать их слепок.

Гилу Каррильо позвонили домой в 8:30 утра. Полиция Монтерей-Парка позвонила в офис шерифа и попросила направить именно Каррильо на место убийства Дои. Каррильо так и не узнал, кто просил о его присутствии, но выехал прямо из дома в Монтерей-Парк, нашел Трумбауэр в своем путеводителе Томаса, припарковался и подошел к входной двери дома Дои. Детектив полиции Монтерей-Парка Торрес был удивлен, увидев Гила, и спросил, зачем он здесь.

Каррильо объяснил, что ему позвонили и попросили приехать.

– Ну, ваша помощь нам не требуется. Тем не менее спасибо, – ответили ему.

Ничуть не обидевшись, Каррильо сказал, что ему интересно, не связана ли картина этого преступления с преступлениями, которые расследует он.

Детективу Торресу присутствие Каррильо не понравилось. Преступление произошло в его юрисдикции, и Каррильо не имел права здесь находиться.

С порога Гил заметил полицейского, стоящего на гильзе, которую убийца выбросил в коридоре, и произнес, указывая на нее:

– Я предлагаю вам сохранить эту улику.

Его совет не оценили, поблагодарили за приход, но снова сообщили, что его помощь им не требуется.

Ни о наручниках, ни о следе кроссовок «Авиа» Каррильо ничего не сказали.

Разгневанный, он вернулся к машине и поехал в офис шерифа. Он понимал, почему детектив Торрес не желал его присутствия – никто не любит, когда лезут в его дела. Но все же, подумал он, следовало позволить ему осмотреть место преступления. И не вести себя так грубо и неуважительно.

Вернувшись в офис, он рассказал членам своей команды, как к нему относились в Монтерей-Парке. На вопрос Салерно, думает ли он, что это их человек, Каррильо ответил, что не знает, поскольку ему ничего не рассказали. Салерно пообещал, что позвонит в Монтерей-Парк и все разузнает.

Но и ему устроили обструкцию. Похоже, в Монтерей-Парке не хотели, чтобы их расследованиями занимался шериф. Дело хотела раскрыть только местная полиция.

Не зная об обнаруженных Торресом следах кроссовок «Авиа», Каррильо вернулся к чтению телетайпов и поиску сходства почерка совершения преступления.

Глава 7

83-летняя Мэйбл Белл и ее 81-летняя сестра-инвалид, Флоренс «Нетти» Лэнг, жили на Норт Альта-Виста авеню, на окраине Монровии. Чтобы добраться до их дома, нужно было проехать по Норт Альта-Виста-авеню, одинокой извилистой дороге, идущей в гору на полмили.

Монровия, расположенная в двадцати милях к северо-востоку от Лос-Анджелеса, представляет собой небольшой 40-тысячный городок с чертами большого города. Назван в честь Уильяма Н. Монро, инженера-строителя железной дороги, заложившего город в 1886 году после покупки участка за 30 тысяч долларов. Монровия лежит у подножия величественных гор Сьерра-Мадре в красивой долине Сан-Габриэль, между городами Дуарте и Пасадина.

Дом Мэйбл Белл стоял особняком, изолированный и непохожий на остальные – простенький бежевый домик в стиле фахверк с гаражом справа. В палисаднике перед домом росли апельсиновые деревья. Его, как и дом Заззара, ограждал белый забор из штакетника.

Мэйбл Белл, или, как ее называли, «Ма» Белл, была активной эмансипированной пенсионеркой, все еще ездила в Монровию по хозяйственным делам и три раза в неделю наслаждалась игрой в бридж. Уединенность дома ей нравилась, о преступлениях она не особо беспокоилась. Часто ночами Ма Белл оставляла дверь незапертой. Тридцать пять лет назад она переехала в Калифорнию из Оклахомы, а там двери всегда оставляли незапертыми. Каждый год Ма Белл вносила пожертвования в фонд по поддержанию статуи Свободы в хорошем состоянии. Она верила в Бога, любила свою страну, своих детей и внуков.

Ма Белл рано овдовела и вырастила детей сама, двадцать три года проработав секретаршей в «Верон тул компани».

У нее было двенадцать внуков, и в семье она была главной. Седая и хрупкая с виду, она двигалась как женщина на пятнадцать лет моложе. Два года назад она поселила к себе сестру-инвалида Нетти вместо того, чтобы отдать ее в дом престарелых. Сестры спали в разных спальнях. Комната Ма Белл была белой с викторианскими шторами, занавешивавшими два окна. У ее кровати было четыре темных деревянных столбика. 29 мая в 23:40 обе сестры крепко спали с открытыми дверями.

В эту ночь убийца ехал в сером седане «Мерседес», который он угнал со стоянки ресторана «Бархатная черепаха». Он подъехал к подножию Норт Альта-Виста-авеню и начал подниматься по ней, не смотря ни на карту, ни на компас. Он просто ехал туда, куда ему подсказывал внутренний голос. Норт Альта-Виста-авеню нелегко отыскать, но в ту ночь ему как-то удалось пробраться по извилистым, змеистым поворотам, не видя в свете фар ничего, кроме листвы, пыльных кактусов, высоких пальм и кипарисов. Первый дом, к которому он приехал, принадлежал Ма Белл. Он выключил фары и двигатель и просто сидел с открытым окном, слушал и смотрел, наслаждаясь ночью. Стояла полная тишина. Затем запустил двигатель, снова включил фары, проехал дом Ма Белл, но на протяжении полумили не увидел никаких жилых домов. Он развернулся и вернулся к дому: ему хотелось, чтобы машина стояла в направлении побега, когда его работа, его миссия будет выполнена.

Он вышел, стараясь не хлопнуть дверцей, и подошел к входной двери Ма Белл. Будучи в перчатках, он не беспокоился об отпечатках пальцев, когда схватился за дверную ручку, повернул ее и толкнул дверь. Дверь открылась, и он медленно вошел в скромный дом, низко пригнувшись, весь наполненный агрессией. Он дал глазам привыкнуть к темноте, достал фонарик и пошел в спальню. Он оценил, что дом небогатый, что денег в нем мало, и это разозлило его еще больше.

Он нашел Нетти Лэнг и быстро понял, что она пожилая женщина с инвалидностью. Затем перешел в спальню Ма Белл и увидел, что она спит в постели. Он обыскал остальную часть дома и понял, что зашел не туда: молодых женщин не было, украсть особо нечего.

Он пошел на кухню поискать нож, которым можно было зарезать двух старух, но не нашел достаточно острого, зато нашел молоток с красной деревянной ручкой. С ним он вернулся в спальню Нетти Лэнг. Подошел к ее хрупкой спящей фигуре и, не раздумывая, ударил ее по голове, много раз вонзая молоток в ее мозг. Затем он взял кусок электрического шнура от часов возле кровати, чтобы крепко связать ей руки за спиной. Часы упали на пол, остановившись в 00:06. Он пошел в комнату Ма Белл, не замечая, что наступил на часы и оставил кровавый след от обуви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.